

Механический хэппи-лэнд (сборник)

Автор:

[Рэй Брэдбери](#)

Механический хэппи-лэнд (сборник)

Рэй Дуглас Брэдбери

Этот сборник – отличное доказательство того, что мы еще не открыли все наследие Великого Мастера. О чем бы Брэдбери ни писал: о Марсе, Диком Западе, роботах или полетах в космос, – он всегда пишет о самом близком и дорогом: о детстве, памяти, фантазиях, доброте.

Впервые изданные на русском рассказы и стихотворения не только проводят контур по всей творческой биографии писателя, но и дают нам заглянуть внутрь его воображения. Менялся мир, менялись страхи, мечты и предубеждения, и Рэй Брэдбери с чуткостью художника улавливал эти изменения. Менялся мир – вместе с Брэдбери, благодаря ему.

Рэй Брэдбери

Механический хэппи-лэнд

(сборник)

А. Оганян Поиски хорошо забытого старого

(Объяснительная записка переводчика)

Первые переводы из Рэя Брэдбери на русский язык появились в 1956 году («451 градус по Фаренгейту»). В 1965 году вышел перевод «Марсианских хроник», а в 1967-м – «Вино из одуванчиков». Когда в Голливуде на показе «Войны и мира» Сергей Бондарчук встретил Брэдбери, то вся советская делегация во главе с мэтром бросилась обнимать и целовать писателя, позабыв о присутствии дюжины голливудских небожителей, в том числе режиссеров Рубена Мамуляна и Фрэнка Капры. Потом Брэдбери еще долго приходил в себя после медвежьих объятий Бондарчука и неизвестного количества выпитой «Столичной». Этот эпизод показывает уровень популярности Брэдбери в 1960-х годах в СССР. Он впоследствии писал: «Быть не может, чтобы русские так сильно меня любили, но факт остается фактом».

С тех пор, казалось бы, Брэдбери перевели и перечитали вдоль и поперек. Однако у него припрятано еще немало сюрпризов в сборниках и, уже можно сказать, в «старинных» журналах 40–50-х годов XX века, которые печатались на газетной бумаге (pulp magazine), ставшей со временем хрупкой и желтой. Возможно, Брэдбери не хотел вызывать из прошлого духов своей ученической экспериментальной фантастики, и они остались спрессованными в журнальных пластах, как ископаемые создания в недрах земли.

Однако мало отыскать тексты, нужно еще перелопатить и просеять много «словесной руды», ибо не все рассказы Брэдбери равноценны по своим художественным достоинствам, а нужно отбирать произведения, которые «вопиют», требуя быть переведенными.

В сей сборник вошли произведения, которые создавались на всем протяжении творческой жизни Брэдбери – от проб пера до текстов зрелой поры, в том числе его последняя прижизненная книга-брошюра «Экспресс «Нефертити – Тутанхамон»» (2012), в основу которой лег литературный сценарий несостоявшегося фильма. Впрочем, у Брэдбери бывали и более удачные работы в кинематографе. Как сценарист он участвовал в создании фильма «Моби Дик» (1956, режиссер Джон Хьюстон). Так возник ирландский цикл рассказов Брэдбери и книга «Зеленые тени, Белый кит». Франсуа Трюффо снял фильм по роману Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (1966). Брэдбери говорил о нем, что это «добротный фильм с великолепной концовкой», от которой при каждом очередном просмотре у него на глаза наворачиваются слезы.

Внецикловые произведения на марсианскую тему, включенные и не включенные в канонический текст «Марсианских хроник» общим числом более пятидесяти, были впервые собраны под одной обложкой в номерной (500 экз.) и литерной (26 экз.) книге «Марсианские хроники. Полное издание»[1 - The Martian Chronicles: The Complete Edition by Ray Bradbury (Subterranean Press/PS Pub).] (2009) с автографом Брэдбери. Излишне говорить, что она сразу стала библиографической редкостью. Семь ранее не публиковавшихся текстов из этого тома, включая черновые наброски, переведены и включены в настоящий сборник. Среди них выделяется рассказ «Деды были у всех», пронизанный духом Дикого Запада и фронта, подвигающего людей завоевывать новые, внеземные пространства, вбивать первые колышки в грунт неосвоенных планет, как некогда в землю прерий. Возможно, это единственный рассказ Брэдбери, затрагивающий «ковбойскую» тему и субкультуру «вестерна». В одном интервью Брэдбери говорил о том, что необходимо стремиться к звездам: «Мы колонизируем Луну, создадим атмосферу для себя и для иных миров... и будем жить вечно».

Брэдбери написал несколько сборников статей и эссе, и из этого разнообразия я предлагаю читателю два текста, отражающих его воззрения на роботизацию нашей жизни («Механический хэппи-лэнд», 1965) и его познания в изобразительном искусстве («Кому, что и почему принадлежит», 1990). И, разумеется, в книгу вошли рассказы разных жанров – детективы и фантастика. Любопытен рассказ «Там, где все кончается» (1944), который послужил отправной точкой детективного романа «Смерть – дело одинокое» (1985). Брэдбери хорошо знал место действия – пригород Лос-Анджелеса, Венис-Бич, в котором прожил с 1942-го по 1950 год.

Другой детектив («Вскрытие», 1943) – это попытка написать психологическую криминальную драму, в которой сталкиваются два сильных характера, мужской и женский. Возможно, источником вдохновения Брэдбери послужили история Бонни и Клайда, а также детективы Дэшила Хэммета. Полностью опирается на психологизм сюжет рассказа «Защитный механизм», который еще и является образчиком редко встречающейся юмористической прозы Брэдбери. Любопытно, что в юности он писал больше юмористических рассказов, чем в зрелую пору, а вот мрачных произведений у него хватало всегда, даже с избытком.

В рассказах «Творец чудовищ» и «Раздражительный народец» слышны отголоски Второй мировой войны. Например, кое-какие отрицательные персонажи вызывают ассоциации с Гитлером (космический злодей Гюнтер) и с нацистской Германией. Пафос освободительной борьбы присутствует в рассказе

«Флейтист», написанном в 1941 году. Войне посвящен и рассказ «Именная пуля».

Молодого Брэдбери волнует извечный вопрос ответственности науки перед человечеством, который обострился с наступлением атомной эры (1945). В рассказе «Ракетное лето» (1947) главный герой сетует на то, что «если бы внедрение автомобиля и аэроплана осуществлялось по определенному плану, то можно было бы спасти миллионы жизней и предотвратить многие войны». И предлагает вводить для подобных изобретений этические нормы и законы. Он говорит, что человечество, не решив своих проблем на Земле, рвется в космос, но без прочной моральной базы Ракета послужит развязыванию межпланетных войн. Но самое главное возражение генерального конструктора Ракеты заключается в том, что наука обслуживает материальные потребности человека, а не духовные: «Все, что производит наука, касается только Тела. Когда Наука изобретет нечто для Души, я отдам ей должное».

В «ракетном» жанре также выделяется рассказ «Я, ракета», изобилующий боевыми действиями в космосе и написанный в разгар войны (1943) от имени ракеты, обожающей своего капитана («Владыка моей Судьбы, Властелин моей Души»). Это повесть о двух существах, одушевленном и неодушевленном, влюбленных друг в друга: «Если уж начистоту... ты, наверное, единственная, кого я по-настоящему любил», говорит капитан, не догадываясь, что его ракета все слышит и отвечает взаимностью, спасая его и весь экипаж от коварных заговорщиков.

Молодой Брэдбери пробовал себя в роли сказочника в рассказе «Луана животворящая», который полон жутковатой мистики и насыщен поэтическими образами. У Брэдбери есть несколько сборников поэзии. Его стихи переводятся на русский язык от случая к случаю, а ведь среди десятков стихотворений встречаются и весьма интересные. В настоящий сборник я включил одно его стихотворение, напоминающее гравюры Эшера, «Озадачьте меня, о, зодчие» (1991), а также поэму в прозе «Ахмед и машины забвения». Она посвящена дерзновенному полету мысли первопроходцев, которых тянут вниз люди пассивные и ленивые, «малoverы – губители мечтаний... те, что рано ложатся, поздно встают, вкушают смоквы, пьют вино и холят только плоть». Недаром в тексте поэмы слово «полет» упоминается 15 раз, а «крылья» – 16, не говоря уже о всевозможных летательных аппаратах.

Впоследствии по этому поводу в интервью газете «Аргументы и факты» (№ 33 от 18 августа 2010 года) Брэдбери высказался в свойственной ему бесцеремонной манере: «Люди – идиоты. Напридумывали кучу дурацких вещей – костюмчики для собак, менеджеров по маркетингу и айфоны, от которых не остается ничего, кроме кислого послевкуся. Если бы мы развивали науку, исследовали Луну, Марс и Венеру... кто знает, каким бы стал мир? Человечество могло бы летать в космос, но вместо этого оно предпочло потребление – хлещет пиво и смотрит мыльные оперы».

В пику мещанам и обывателям Брэдбери вкладывает в уста наставника Гонна Великолепного напутствие главному герою поэмы – Ахмеду (и каждому из нас): «Ты должен прыгать с утесов и мастерить себе крылья, пока падаешь наземь!»

Ереван,

август 2018

Дилемма Холлербохена

Краткая фантазема

Холлербохен попал в безвыходное положение. Он умел предсказывать будущее. Он знал, когда ему суждено умереть, и это его весьма огорчало, как вы, наверное, догадываетесь. Перед ним, как на ладони, простиралась его жизнь во всех ее ответвлениях. Он знал, что умрет на следующий день. Он видел, как мощный взрыв разносит его на мелкие кусочки.

Холлербохен был наделен и другим потрясающим свойством. Он обладал уникальной способностью замирать во времени на несколько минут. Но, как ни прискорбно, всего лишь на несколько минут.

Ему грозила смерть, и его охватил ужас.

«Тот самый День» настал, и Холлербохен заглянул в будущее силою своего могучего разума. Вот бы не знать никогда об этом роковом свойстве, которым он так основательно владел. Он знал, что в этот день мог выбрать тысячи путей в будущее, но каждый из них оканчивался ужасной смертью. Какой из них предпочесть, зависело исключительно от Холлербохена.

Он вышел из своих апартаментов и направился к лифту, чтобы спуститься на двенадцать этажей в гостиничный вестибюль. Однако предчувствие нависшей беды не исчезало. По пути он решил замереть во времени и посмотреть, что будет. В следующий миг лифтовые тросы лопнули, как только подобие Холлербохена вошло в кабину. И она с обвальным грохотом разбилась о цементный пол. Холлербохен в ужасе отшатнулся от увиденного. Ведь он узрел, как входит в кабину и погибает при аварии! Он ущипнул себя, чтобы убедиться, что все еще жив. Но он знал, что жив, так как в этот миг замер во времени.

Потрясенный, он вернулся в свой номер и попытался размышлять трезво. Он знал, что не посмеет покинуть гостиницу на лифте, потому что погибнет. Тогда он вышел из комнаты и стал спускаться по лестнице.

На третьем этаже путь ясновидящему преградил некто с пистолетом и потребовал у него деньги. Холлербохен быстро замер во времени, и когда раздался револьверный выстрел, пуля не причинила ему вреда, хотя он заметил, как его фантомная фигура падает замертво на ковер.

Холлербохен удрученно открутил назад свои шаги. Он не хотел умирать, но смерть была неизбежной. За следующий час он неоднократно пытался выйти, но каждый раз, как только он подходил к лифту, тот срывался в шахту точно таким же образом. Он растерянно задавался вопросом, не надоело ли узникам падающей тюрьмы погибать столько раз кряду. За последний час они срывались уже пятнадцатый раз. И каждый раз, когда он спускался по лестнице, возникал все тот же грабитель и палил в него. Все это начинало надоедать. Ему захотелось, чтобы у грабителя иссякло воображение.

Холлербохен хотел спасти жизни пассажиров лифта. Поэтому он решил вообще не выходить из отеля. Выходов было всего два, и оба заблокированы смертью.

На долю пассажиров лифта № 3 выпали самые неприятные переживания. На какое-то мгновение они ощущали падение. Множество раз они чувствовали, как

ударяются об пол. Затем лифт прекращал свои безумные выкрутасы и останавливался на первом этаже. Они выходили, недоумевая, что за странный сон им приснился, ибо, очевидно, такое не могло случиться наяву.

Спайк Малоун ткнул толстяка стволом под ребра. Он машинально выстрелил, когда пострадавший отказался расставаться со своими деньгами. И в этот миг субъект взял да исчез! Это невероятное явление происходило многократно! Наконец оно прекратилось, и Спайк, пробурчав, что ему не мешало бы крепко напиться, ретировался с места неудавшегося преступления.

Холлербохен неподвижно стоял во времени и ждал. Он преисполнился решимости остаться в отеле навечно.

Он задавался вопросом насчет необъяснимого взрыва, явившегося ему в видениях будущего, в которых вызванный неизвестной силой взрыв неизменно подбрасывал его под небеса. У него ужасно заболела голова. В ушах поднялся странный перезвон. Ему показалось, что его голова вздулась до угрожающих размеров, а тулово – до Бробдиньягских[2 - Джонатан Свифт, «Путешествие Гулливера в Лиллипут, Бробдиньяг и в страну гуинмов». (Здесь и далее примечания перев.)] масштабов.

Шум нарастал до оглушительного крещендо. Гулкие раскаты предшествовали страшному взрыву, который разнес на мельчайшие атомы Холлербохена, гостиницу и весь город в придачу.

Неподвижное стояние Холлербохена во времени породило колоссальное количество энергии. До него это так и не дошло, и не дошло бы. Когда он застопорился во времени, оно, в свою очередь, стало обтекать его из-за тесноты. Но он слишком задержался, и в искривленном пространстве образовалась гигантская прореха невероятной мощности, которая упорно искала выхода. И таки нашла его, но при этом прихватила с собой в космос Холлербохена, отель и город.

Так Холлербохен стал причиной своей гибели, которую он предсказал, видел, но не смог объяснить.

Холлербохен разрешил свою дилемму.

Маятник

Вверх и вниз, вперед и назад, вверх и вниз. Сперва быстрый взлет к небу, постепенное замедление, достижение вершины кривой, задержка на мгновение, затем стремительный возврат к земле, быстрее и быстрее, с тошнотворной скоростью, достижение дна и взлет на противоположную сторону. Вверх и вниз. Вперед и назад. Вверх и вниз.

Как долго это продолжалось, Лейвиль не знал. Возможно, он провел миллионы лет, сидя здесь в массивном стеклянном маятнике, ошеломленно наблюдая за тем, как мир наклоняется то в одну сторону, то в другую, вверх и вниз, до рези в глазах. С тех пор как его заперли в шарообразной голове маятника, последний никогда не останавливался, не видоизменялся. Постоянное монотонное движение над поверхностью земли. Так велик был маятник, что каждый величественный ход его сияющего корпуса, подвешенного к металлическим недрам сверкающей машины над головой, затмевал поверхность земли на сотню футов, а то и больше. Чтобы преодолеть сто футов в один конец, ему нужно было три-четыре секунды и столько же обратно.

УЗНИК ВРЕМЕНИ! Вот как его теперь звали! Его! Прикованного к машине, которую он же спроектировал и сконструировал. Узник вре-ме-ни! Узник вре-ме-ни! С каждым колебанием маятника эти слова эхом отзывались в его думах. Непрерывно, пока он не лишился рассудка. Он пытался сосредоточить взгляд на знойной Земле, которая описывала под ним дугу.

Над ним смеялись за несколько дней до этого. Или за неделю? Месяц? Год? Он не знал. Вечное качание привело его в болезненное замешательство. Его подняли на смех, когда он сказал незадолго до этого, что способен навести мосты через провалы времени и отправиться в будущее. Он спроектировал огромную машину для искривления пространства, созвал три десятка самых одаренных ученых мира, чтобы они помогли ему завершить грандиозную попытку – колупнуть будущую стену времени.

Затуманенная память вернула его в тот час, когда случилось несчастье. Прилюдный показ машины времени. Тот самый миг, когда он стоял на платформе в окружении тридцати ученых и привел в действие главный переключатель! Ученые, все до единого, были испепелены неукротимым электрическим пламенем! На глазах двух миллионов очевидцев, посетивших лабораторию или включивших дома телевизоры! Он погубил лучших ученых планеты!

Он вспомнил наступивший вслед за этим миг леденящего ужаса. С машиной стряслось нечто непостижимое. Он, Лейвиль – изобретатель машины, отпрянул в полыхающей и пожирающей его одежде. Объясняться некогда. Затем он провалился в черноту боли и опустошающего разгрома.

Его приволокли на поспешное судилище. Лейвиля встретили глумливые толпы, требующие его казни.

– Уничтожить Машину Времени! – орали они. – Вместе с УБИЙЦЕЙ!

Убийца! Он же хотел помочь всему человечеству! И вот какая ему вышла за это награда.

На возвышение, где сидели судьи, вскочил некто и закричал:

– Нет! Не разрушайте машину! Я придумал кое-что похлеще! Отмщение этому... этому человеку! – Он показал пальцем на небритого, изможденного Лейвиля, сидевшего с остекленевшим от поражения взглядом. – Мы должны восстановить машину, забрать у него драгоценные металлы и возвести монумент в память о его злодействе! Мы запрем его внутри собственного убийственного изобретения и выставим пожизненно на всеобщее обозрение!

Одобрительный рев толпы сотряс зал суда.

Затем – подталкивающие руки, дни и месяцы в тюрьме. Наконец его вывели на солнцепек и доставили на небольшом ракетном автомобиле в центр города. Потрясение от увиденного вернуло его в действительность. ОНИ перестроили его машину в высоченные часы с маятником. На нетвердых ногах он подался вперед, подгоняемый тычками, под завывания тысяч проклиняющих его голосов. Его впихнули в прозрачный маятник и накрепко закупили с помощью сварки.

Затем они раскачали маятник и отошли назад. Медленно, очень медленно маятник раскачивался вперед и назад, увеличивая скорость. Тщетно Лейвиль колотил по стеклу и кричал. Лица стали размазываться, пока не превратились в бесформенные розоватые комки.

И вот так непрерывно... до каких пор?

Поначалу он не слишком волновался в ту первую ночь. Он не мог уснуть, но дискомфорта не испытывал. Огни города превратились в хвостатые кометы, мечущиеся справа налево, как искрометные фейерверки. Но чем дольше тянулась ночь, тем больше сводило желудок. Он почувствовал тошноту, и его вырвало. На следующий день он не мог ничего есть.

Маятник никогда не останавливали, ни единого раза. Чтобы накормить его, по трубе в стволе маятника они спускали еду в маленьких круглых свертках, плюхавшихся к его ногам. Первая попытка поесть окончилась неудачей. Пища не задерживалась в желудке. В отчаянии он молотил по холодному стеклу кулаками, пока не разбил их в кровь. Он кричал до хрипоты, но не слышал ничего, кроме своих жалких, исполненных страха слов в оглохших ушах.

Спустя некоторое время он научился принимать пищу и даже спать, несмотря на качание вперед-назад. Ему позволили устроить небольшие стеклянные петли в полу и кожаные ремешки, чтобы пристегиваться по ночам и спать безмолвным сном, не сползая.

На него приходили поглазеть. Его глаза приспособились к резким перепадам и следили за любопытствующими лицами, сначала вблизи, посередине, потом вдалеке, справа, снова посередине и слева.

Он видел смеющиеся лица, говорящие, разинув рты, беззвучные слова, пальцы, тыкающие в него – узника времени, вечно странствующего в никуда. Но вскоре горожане исчезли, и остались лишь туристы, проходящие и читающие надпись на щите:

ЭТО УЗНИК ВРЕМЕНИ – ДЖОН ЛЕЙВИЛЬ,

КОТОРЫЙ УБИЛ ТРИДЦАТЬ

ВЕЛИЧАЙШИХ УЧЕНЫХ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ!

Школьники на электрической бегущей дорожке останавливались поглазеть с детским трепетом на УЗНИКА ВРЕМЕНИ!

Он часто задумывался о своем прозвище. Как зло над ним подшутила судьба! Он изобрел машину времени, а ее превратили в часовой механизм, и он, сидя в маятнике, будет отмерять годы и путешествовать в ногу со Временем.

Он не помнил, сколько это продолжалось. Вереница дней и ночей слилась в его памяти воедино. На его небритом лице отросла бородка, а затем перестала расти. Сколько времени прошло? Сколько же?

Раз в сутки, после приема пищи, ему опускали трубу, вакуумировали камеру, убирая отходы. Однажды, спустя долгое время, ему прислали книгу, но только и всего.

Отныне о нем заботились роботы. Очевидно, люди решили не тратить время на своего узника. Роботы приносили еду, чистили маятниковую камеру, смазывали механизмы, трудились без устали с рассвета до багрового заката. В таком темпе это могло продолжаться веками.

Но однажды Лейвиль взглянул на город и горожан, размытых взлетами и падениями, и увидел, как по небу клубами расползается тьма. Городские ракетные корабли, бороздившие воздушное пространство на столпах алого пламени, с перепугу беспомощно заметались в поисках убежища. Беззвучно крича, люди хлынули врассыпную, как вылитая на кафель вода. Черные инопланетные гады плюхнулись наземь огромными студенистыми комками, высасывая жизнь из всего сущего. Сбиваясь в кучи, они облепили собою все вокруг, мгновенно взгромоздились лоснящейся массой на маятник и верхний корпус, крутящиеся колеса и гремучие недра стального творения – бывшей Машины Времени. Спустя час они растворились за горизонтом и никогда больше не появлялись. Город вымер.

Вверх и вниз. Лейвиль продолжал свое путешествие в никуда в своей тюрьме, и странная ухмылка застыла на его устах. Через неделю или более до него дошло, что он – единственный выживший на Земле человек.

Он испытал вспышку ликования. Это была его победа! Маятник, уготованный ему в качестве тюрьмы, спас его от верной гибели!

Вопреки вторжению черных полчищ, день за днем роботы приходили и работали: еженедельно, приносили еду, ремонтировали, проверяли, смазывали, чистили. Вверх и вниз, вперед и назад – МАЯТНИК!

...должно быть, прошло еще тысячу лет, прежде чем в небе над мертвой Землей снова забрезжила жизнь. Серебристая пуля из космоса выпала из облаков, оставляя за собой шлейф пара, и зависла над мертвым городом, в котором лишь горстка роботов выполняла свои обязанности. В сгущающихся сумерках мерцали огоньки столичного города. На пандусах появились новые автоматы, словно пауки на крученой паутине, снующие, проверяющие, смазывающие, работающие в безупречном механическом стиле.

Существа из инопланетного корабля обнаружили часовой механизм и маятник, качающийся вверх-вниз, вперед-назад, вверх-вниз. Роботы по-прежнему заботились о нем: смазывали, чинили.

Тысячу лет качался этот маятник. Его диск был изготовлен из стекла, но теперь, когда роботы опускали в него по трубе еду, она оставалась нетронутой. Затем выдвигалась вакуумная труба и вычищала камеру, высасывая всю еду.

Взад-вперед. Вверх-вниз.

Внутри маятника пришельцы увидели нечто. Припав к стеклянной стенке камеры, личина на выбеленном черепе таращилась пустыми глазницами на город и загадочно ухмылялась, обнажив безгубый оскал.

Взад-вперед. Вверх-вниз.

Явившиеся из пустоты остановили маятник и раскололи стеклянную капсулу, чтобы извлечь скелет. И в мерцании звезд череп продолжал таинственно

ухмыляться, как бы осознавая одержанную победу. Победу над временем.

Узник Времени – Лейвиль действительно совершил странствие сквозь века.

И его странствие подошло к концу.

1939

Жара – куда ни шло, а вот вла...

– Жара – куда ни шло, – говорил незнакомец, – а вот вла...

Он так и не закончил свое послание. Вальдо врезал ему и сбил с ног.

– Ненавижу штампы! – гаркнул он, возвышаясь над поверженным незнакомцем. – Ну, почему, черт побери, нельзя изъясняться своим, живым языком?! – Засим он развернулся и потопал по улице, бурча себе что-то под нос.

– Привет, Саммерс! – послышался чей-то голос.

Вальдо Саммерс взглянул вниз и узрел покрасневшую одутловатую физиономию, возникшую из канализационного люка. Это же Том-водопроводчик.

– Ну и пекло! – ухмыльнулся Том, вылезая из люка.

Вальдо приступил к действиям: Том неожиданно получил прямой удар в лицо и исчез в люке.

Поглощенный насильственными замыслами, Вальдо заспешил по улице, строя дикие фантазии.

Вскоре он заметил, что его преследует полицейская машина.

* * *

– Итак, – сказал судья. – Это весьма тяжкое деяние, Саммерс: разгуливать по Главной улице и колошматить людей среди бела дня.

Вальдо взглянул на судью и затряс головой:

– Как вы предлагаете мне поступать, ваша честь: дожидаться ночи и поколачивать их в темных переулках?

Судья сдавил пальцами судейский молоток, словно раздумывая, не метнуть ли его в Саммерса. Его брови взметнулись, глаза вытаращились, а зубы чуть было не оскалились.

– Шестьдесят суток! – сердито рявкнул судья. – Зло должно быть наказано, Саммерс!

Не успел судья произнести эти слова, как Вальдо набросился на него, размахивая кулаками.

Вальдо только тогда перестал буйнить с пеной у рта, когда за его спиной бесцеремонно захлопнули дверь тюремной камеры. Затем он сел и сердито уставился в пол.

Пришел психолог, длинный, как жердь, седой, как лунь, и такой же мрачный.

– Саммерс, – сказал он. – Кажется, вы страдаете очень опасной фобией. Очевидно, у вас сильная неприязнь к штампам и клишированным выражениям. Можете объяснить почему?

Вальдо задумался на минуту.

– Видите ли, – начал он медленно. – Я много слушал радио и глотал дешевенькие журнальчики. Однажды вечером я читал журнал «Вестерн» и слушал, как

диктор что-то рекламирует, как вдруг – щелк! Что-то во мне переключилось. В рассказе, который я читал, ночь была черна как смоль, у героя – стальные мускулы, а глаза у Джейн – словно звезды. А диктор по радио продавал нечто хрустящее и хрупкое, свежее и аппетитное, быстрого приготовления и призывал требовать это самое у бакалейщика немедленно! Желудок у меня так и скрутился кренделем. И надо же было так случиться, что в этот самый миг вошел мой дядюшка и говорит:

– Дождь льет как из ведра!

Я схватил пепельницу и как запустил ее дядюшке в голову!

– Гмм! – Психолог раскладывал по полочкам Саммерса сквозь толстые линзы очков. – Как бы вы поступили, Саммерс, если бы я прямо сейчас засыпал вас кучей штампов?

– Не советую, – предупредил Вальдо. – Могу и стукнуть.

– Попробуем, кто кого?

– А я смогу?

– Я знаю, что сможете. Теперь садитесь, и я прочитаю несколько приготовленных мною клише.

Доктор устроился на кровати и достал внушительный лист бумаги с накарябанными иероглифами.

– Красный, как свекла.

Вальдо исторг горловое рычание.

– Страшный, как смертный грех, – продолжал доктор.

Вальдо сжал кулаки.

– Жара, как в аду.

– Хватит, – сказал Вальдо, ударив доктора по голове, но не сильно.

– Будьте сговорчивее, пожалуйста, – попросил специалист, потирая ушибленный лоб.

Он отодвинулся на несколько футов по кровати, откашливаясь.

– На чем мы остановились? – спросил он, шаря глазами по списку.

– Вам было жарко, как в аду, – подсказал Вальдо.

– Да. Итак, холодный, как лед. Губки, как лепесточки. Красота, как на картинке. Теплый, как печь. Глаза, подобные прозрачным озерцам лунного света... – Он сделал паузу, ожидая, пока Вальдо выпустит пар. Занятие продолжалось десять минут, и когда добрый доктор покидал камеру, то насчитал на своей «анатомии» с десятков синяков.

Доктор возвращался каждый день. Занятия продвигались с нарастающим накалом страстей и своеобразием событий. Иногда Вальдо гонялся за доктором по камере, а иногда доктор в порыве ярости гонялся за Вальдо.

На тридцатый день, прибегнув к джиу-джитсу, доктор смог произнести три полных клишированных выражения, не подвергая свой моральный дух и организм физическому воздействию от Саммерса.

На сороковой день доктору разрешили вывести Вальдо из камеры, и они на пару носились по коридорам, при этом Вальдо размахивал кулачищами, а доктор бежал, немного опережая своего подопечного, во все горло выкрикивая клише.

Если Вальдо догонял доктора, занятия внезапно приостанавливались на неопределенный срок.

Не приходится говорить, что теперь психолог пробегал стометровку с завидным результатом.

А Вальдо стал успокаиваться.

На шестидесятый день Вальдо выпустили на свободу.

– Самочувствие отличное, – сказал он. И действительно, он пребывал в отменной форме.

Вальдо вернулся домой к жене и детям, радио и журналам и за всю оставшуюся жизнь ни разу даже пальцем не тронул ни одного любителя штампов и клише.

Но мы вынуждены с превеликим сожалением доложить вам, что на прошлой неделе, когда доктор стоял на углу Главной и Четвертой улиц, кто-то подошел, хлопнул его по спине и как сказанул:

– Как делишки? Как детишки? Не болит ли голова?

Пистолетные выстрелы, грохнувшие в ответ, слышала вся округа аж до самой Седьмой улицы.

1940

Луана животворящая

Прежде чем я покончу со своей брэнной жизнью, распрощаюсь с жуткими чужаками и уйду от всего светлого и темного, я должен поведать о причине своего самоубийства. Мой рассудок объят липким страхом, который горит в закоулках подсознания, подобно бледному пламени свечи в гробнице. Ужас высасывает из меня силы и заставляет слабеть и трепетать, как ребенок. Что бы я ни делал, я не в состоянии от него избавиться, ибо ночь полнолуния насильно его возвращает.

Я сижу в тишине темной комнаты и жду. В нескольких футах возвышаются огромные напольные часы – реликвия многих поколений нашего семейства – с

мрачным циферблатом, что бледно маячит в черноте, отбивая часы низким и изысканным боем. Старинный хронометр должен исполнить действие, которое я не могу доверить своим трясущимся рукам, и в полночь, с последним ударом, через четверть часа, рычаг надавит на спусковой крючок револьвера, прикрученного сбоку, и отправит сокрушительную пулю мне в сердце. Пока я жду, я должен, обязан излить, облегчить душу своим повествованием.

Я искатель приключений. Я не хожу торными путями. Но вот мне минуло тридцать лет, я седовласый старик, у меня трясутся пальцы. Страх изрезал мое лицо, оставив на нем запавшие глазницы и борозды, как на коже мумии. Я немощен, я одряхлел и обессилел. Мне впору захлопнуть крышку гроба и опочить навечно.

Вернуться бы в прошлый год, ко дням, минувшим совсем недавно и дьявольски далеким от постоянных терзаний, из-за которых двенадцать месяцев показались мне целым веком.

В Индии, за Гималайским хребтом, в сумрачной местности, где рыщут тигры, меня бросили мои родные, которые мямлили суеверные рассказы про «Луану». Прорубаясь сквозь дебри колючих зарослей, я набрел на косматого человека, сидевшего, скрестив ноги, под деревом, попыхивая опиумной трубкой. Я заговорил с ним в надежде обрести в его лице проводника, но не получил ответа.

Я посмотрел ему в глаза – миндалевидные щелочки в хитросплетении морщин, но не увидел ни радужки, ни зрачков, а только сгусточек налитой свинцом плоти, словно глазные яблоки закатились назад в гипнотическом опиумном сне. И он не проронил ни слова, а лишь едва покачивался из стороны в сторону, словно саженец на летнем ветерке, и струйки дыма слетали с его губ. Придя в ярость от молчания, я затряс его, пока трубка не вывалилась из его рта. Его челюсть упала, обнажив ряд острых желтых зубов, при виде которых мой желудок взбунтовался. Незнакомец не мог говорить, ибо его язык посинел, съежился, словно сушеная, рассеченная смоква, и истек кровью. Из недр его горла раздались нечленораздельные звуки, как в бреду. И я отпустил его. Его руки немедленно зашарили по земле, нащупали трубку и водворили ее на место – в рот. Он продолжал безмятежно покуривать трубку, слепо и бессловесно, и я в спешке покинул это место.

Остаток дня я продирался сквозь джунгли, где не ступала нога белого человека. Погибая от жажды и голода, я безуспешно попытался дойти по еле заметным звериным тропкам до водопоя. Когда я попытался вернуться туда, где я прорубил проход в колючих зарослях, исчезли и моя тропа, и странный слепец. Словно за несколько часов все заново заросло тернистым кустарником. И когда я заметил зарубку, сделанную мной на дереве, то понял, что колючки действительно растут, ибо зарубка оказалась заметно выше. Это был край безумно растущих джунглей, где растения прорастали, росли и умирали за неделю или две. Растительный покров имел толщину в целый фут и оказался поразительно живучим, а жутковатые джунгли были знойными, необъятными и молчаливыми. Даже звериный рык тигра не нарушал гнетущую тишину, которая душила меня, пока я не исторг вопль, дабы усладить свой слух и, задав себе встряску, вернуть себе здравомыслие. Когда странное отсутствие звука становилось невыносимым, я бежал напролом сквозь кустарник и болота, спотыкаясь, падая и скользя, пока с меня градом не начинал лить пот. Тогда я садился отдохнуть и смотрел, как высыхает грязь на обуви, образуя коросту.

И все равно – ни звука. Нечто злое опутывало эту обрамленную деревьями местность беззвучным однообразием.

По мере того как солнце отправлялось в недолгое плавание по океану листьев и ветвей и пропадало на западе, я осознал, что это обособленное место, не потревоженное внешним миром, от которого оно отбивалось стеной колючек. В этом краю безмолвия было мало водоемов и животных, а аборигены были скрытны и встречались редко. Я смутно припоминал странные рассказы о них, об их земле и ритуалах при свете полной Луны.

С приходом сумерек грот космоса пророс светящимися точками – звездами. Проходили часы, и оглохшую ночь усеивали все новые серебряные точки. И вот воистину световая пелена застилает небосвод. Сидя и глядя вверх сквозь кроны деревьев, я ощутил вокруг себя шевеление. Словно весь лес встрепенулся и ожил. Мелкие листочки зашелестели под ногами, стройные росточки заколыхались, задрожали, и могучие великаны джунглей воспряли и отряхнули наземь свою листву. Казалось, будто в темноте деревья стали расти втрое быстрее, чем днем, пускали побеги и зацветали неким таинственным образом. Деревья нарушили тишину слабым шуршанием, подлесок злое зашебуршал. Я встал и пошел сквозь болото; тина под ногами мешала идти, и я упал, растянувшись в полный рост, лицом в грязь.

Лежа на земле, я ощутил, как ко мне метнулись щупальца и вцепились в меня, поглаживая мой затылок и неумолимо стискивая меня, пока я, задыхаясь, не стал хватать ртом воздух. Узловатые лианы обвили мой лоб, сдавливая виски до пронзительной кинжальной боли. Я схватился за горло, слабыми движениями высвобождаясь из удушающей петли, и вскочил на ноги. Не разбирая дороги, я отчаянно бросился вперед, как вдруг оказался по колено в ледяной воде.

Моего страха и след простыл, когда я плюхнулся на колени в подернутую трухой воду, отталкивая от себя паутинчатые обломки. Под рукой кругами заколыхалась вода, и, склонив голову, я заметил, что на поверхности отражаются звезды, как пляшущие светлячки. Я жадно, большими глотками поглощал воду и смочил себе лоб и виски, чтобы унять вселившуюся в них жгучую боль. Затем я откинулся на спину и плавал в пруду, глядя, как вода ласкает обувь и обмотки.

Сколько я так пролежал и расслаблялся, мне неизвестно. Когда я поднялся, насквозь промокший, то ощутил новую силу, нарастающую с каждой минутой. Я снял истерзанную рубашку и прополоскал. Затем я выжал и обмотал ею голову, чтобы влажность хоть на сколько-то меня поддерживала. Вода впитывалась в кожу, мерцая, как сероватый ил.

Влекомый темнотой, я избавился от страхов, пробираясь меж прыгучих щупалец. Слабые шорохи, таинственное журчание воды и бормотание в земле, стреляющий треск сучьев – джунгли стали живым, одушевленным, дышащим существом, по которому я шагал. Затем передо мной открылась поляна, в мрачной глубине которой выстроились в круг темные силуэты.

Я неожиданно встал, словно замороженный внезапным порывом зимнего ветра. Я прищурился, чтобы разглядеть фигуры, лежавшие, скрючившись, на поляне. Мне показалось, что я вижу сорок зловещих каменных изваяний, вкопанных в землю, присевших на корточки в ожидании. В середине на земле одиноко лежала другая скорчившаяся фигура.

В это мгновение в верхушках деревьев промелькнул свет. Спустя секунды дюйм за дюймом полный диск Луны восстал на усеянном звездами небосклоне, залил поляну серебром и приведя в движение силуэты согбленных фигур в лоне джунглей.

Что-то зашевелилось. Дрогнула фигура, и я осознал увиденное. Это же люди! Они пробуждаются по одному, словно от сна. Когда вошла Луна, раздался легкий вздох, словно от ветра, что ворошит мириады листьев. Я медленно, молча приблизился к поляне. Существа на земле, повернутые ко мне своими исхудалыми спинами, простерли длинные тонкие конечности и встали на колени, отвешивая поклоны Луне в кристально прозрачном небе.

Складывалось впечатление, будто они находились под гипнотическими чарами, двигались, словно под воздействием дурмана: поднимали и протягивали пальцы к лунному диску ослепительной белизны, подвешенному к деревьям. Картина в платиновых тонах. Луна господствовала в небе; в ее белом пламени звезды измельчали и поблекли. Вот члены культа поднялись, раскачиваясь, размахивая руками, исторгая скорбные грудные звуки.

Они стремительно извивались, подпрыгивали и вытанцовывали; земля дрожала под их босыми ступнями. Они встали в круг, взметая и соударя ладони, и рыдали. Они завывали, голосили, колотили себя в грудь, проносясь мимо и не замечая меня. Они двигались, словно шишковатые деревья, возродившиеся, обнаженные и бурые. Но страх мне внушали их глаза, ибо они были свинцово-белыми, без зрачков, словно обожженные до такого оттенка неким изменчивым лучом, окрашенные свечением Луны!

Человек, стоявший в середине бесноватой толпы, указал на Луну, и я признал в нем незнакомца, встреченного мною тем утром, со сморщенным языком и слепыми глазами! Он бормотал, призывая сотоварищей не останавливаться, и, как ни странно, его речь на языке древних индусов постепенно становилась мне понятной.

– Великая животворящая Луана! – говорил он нараспев, и извивающиеся люди повторяли его нечленораздельные слова. – Животворящая Луана! Придай нам сил! Защити нас! Огради нас от богомерзкого духа белых людей! Уничтожь язву на теле земли, все человечество, тех, кто оскверняет истинную веру невежеством!

Меня обуяла ярость, и я по глупости вторгся в их гущу с зажатым в руке револьвером и приказал прекратить это действие. Они встали как вкопанные, словно пораженные молнией! Но лишь на мгновение. Затем с неистовыми звериными криками они бросились ко мне, взывая к полной Луне, зависшей над деревьями.

– Уничтожь посягателя! Сокруши подлого дикаря, увидевшего ритуал Луаны! – умоляли они. – Луана живет и дышит! Луана, отомсти за нас, ослепших, но способных узреть твой свет!

Я навел револьвер, моля бога, чтобы вода не намочила порох, и выстрелил в упор в сердце одного из дикарей. С проклятием на устах он споткнулся и упал наземь, увлекая меня за собой. С того места, где я лежал, мне было видно, как остальные лихорадочно разбегаются врассыпную, сливаясь с джунглями и растворяясь в них. Я стрелял до тех пор, пока курок не защелкал впустую. Затем, озираясь по сторонам, я увидел последнего молившегося коленопреклоненного аборигена.

– Я проклиная этого человека именем Луаны животворящей, – вздохнул он. Не проронив более ни слова, он пал на траву и остался лежать, мертвенно неподвижный.

Если бы я знал о последствиях своих действий! Сноп света обрушился вниз, когда я выронил свое оружие и затаив дыхание посмотрел на лик Луны. Казалось, она заполнила небо своей массой, полыхая ярче солнца, ударила и обожгла мне глаза своим режущим светом. Надо мной, словно зловещее божество, навис неистовый, испепеляющий шар. И казалось, что, подобно джунглям, Луна живет и дышит. Слово джунгли служили Луне обиталищем, а аборигены являлись ее учениками, последователями, посвященными в таинственный культ.

Помню, как я один раз вскрикнул. То был невольный крик неверия. А потом я побежал! Обрывая ветви и плюхая по болотистой почве, я добрался до границы колючего кустарника и замахнулся ножом, чтобы прорубиться сквозь тернии. Внезапно меня свалило головокружение, и я пал, как подкошенный, в объятья беспомощности. Последнее, что я видел, был дрожащий выщербленный лик Луны, обжигающе сияющей мне в глаза.

Наутро я оказался за стеной колючек на знакомой тропе. При мне не оказалось ни револьвера, ни ножа, но мой рассудок уверял меня, что все это было ночным кошмаром. Боже, если бы это было так в действительности!

Я незамедлительно вернулся к цивилизации и через двадцать дней специальным рейсом прилетел в Америку. Здесь, дома, в местности с видом на

калифорнийское побережье и Тихий океан я отдыхал несколько дней. Но в ночь очередного полнолуния...

Я не смог высидеть на своей веранде. Испещренная кратерами Луна отправила мне невнятное предупреждение. Согнутые в три погибели зловещие фигуры, казалось, присели на корточки в тени мириад деревьев. В ушах гулко отдавалась шипящая ритмичная песнь хлещущей крови. Мои друзья покинули меня из-за моих страхов и моего панического бегства от свечения Луны, зависшей полумесяцем ненасыщенного света в небесах. Окружающий мир оставил меня наедине с моими сновидениями, жуткими ночными кошмарами и страхами, которые преследовали меня.

Ночами я сидел в напряжении и содрогался от одной мысли, что увижу Луну во всей ее ненавистной белизне, приколотой к занавесу ночи, дабы залить платиной мою каморку. Я стал таким пугливым, что призвал к себе ткача гобеленов и поручил ему сделать гардины цвета черного дерева, чтобы навсегда избавиться от бледного, болезненно-белесого света.

Но даже с опущенными жалюзи и плотно задернутыми гардинами я слышал в верхушках деревьев скорбные причитания ветра, похожие на пронзительные завывания дьявольских дикарей, что вызывали к жизни разных тварей, замороженных чарами спутника Земли. От полнолуния к полнолунию я слышал все новые звуки – шум звериной возни в зарослях, словно нечто вызвало их к жизни, и они трещали и тряслись в знак предостережения. Листья хрупко хрустели на деревьях и отрывались, уносясь, чтобы нетерпеливо дрожать на пороге моего убежища. Шумы... шумы смущали и беспокоили меня, доводили до отчаяния, пока на лбу не проступал липкий пот.

Затем, спустя двенадцать лун после той ночи в джунглях, я лежал в темноте влажной комнаты, обливаясь потом, дожидаясь прохладного ветерка, который навеет мне сон, о котором я молился. Наползла осязаемая волна жара, рассудок покинул меня, и безумно захотелось глотка свежего воздуха. Я бросился к занавесам и зажмурился, чтобы не видеть Луну во всей ее убийственной красе. Я отдернул покровы и распахнул высокую оконную раму, вбирая в себя воздух, чтобы жадными глотками пить холодную ночь. Вместо этого на меня обрушился ужасающий водопад грохота и ветер – порождение огня. Ветер стал громче и сорвал с меня остатки одежды, пока я стоял, охваченный его жгучими порывами, словно под солнцем экватора.

Я схватился за рамы, силясь захлопнуть их снова, отрезать себя от шума листвы, ветра, теней, кишаших враждебными тварями. Сверху свалился громopodobный хохот, песнь ненависти, исторгнутая оскорбленной Природой, песнопения моря и арии птиц, волнение зефира и гул смерча, перемешанные в нарастающем грохоте, который бился об меня. Меня пронзил огонь, опалил глаза, вынудив поднять веки, чтобы взглянуть на Луну, что покоилась на стропилах облаков. Подобно божеству, исполинскому, гневному, серебристому, ее поверхность клокотала, как котел. Она поглотила небо и вонзила свой обесцвеченный диск в мой рассудок. Ураган непрерывно тужился, чтобы порвать мои барабанные перепонки.

Мне кое-как удалось захлопнуть окно, отрезать шум, плотно задернув занавеси, и я больше не видел света.

Помню, как я, ошеломленный, добрался до своего туалетного столика и встал перед зеркалом, включив свет.

Это было две недели назад.

Приближается время, когда часы пробьют двенадцать; я сижу и пишу эти последние слова. Через минуту, с последним ударом часов, я умру.

Я пробыл в этой комнате две недели, ни разу не посмев выйти наружу, хотя меня выжгла жажда и изнурил голод. Я не смею продолжать.

Я иду на самоубийство, потому что...

Ах, часы бьют двенадцать. Один! Два! Три!..

Я убиваю себя, потому что, когда я включил свет в комнате и взглянул на себя в зеркале, то увидел... Сквозь серую пелену, что заволочла мое зрение, я увидел идиота, со свинцово-белыми глазами, лишенными зрачков, с омертвелым, изможденным лицом и разинутым ртом. А мой язык – черное месиво – болтался между зубов, как скрученная тряпка!

Прощайте! Часы проббили двенадцать!

Сказ о Мангломвритче

Мистер Бенгол фланировал по Бродвею в компании своих семнадцати ребятишек. Миссис Бенгол только что проломила проход в недра мелочной лавки сквозь твердыню из женщин. Мистер Бенгол остановился, стуча костяшками пальцев по фонарному столбу. Его язык издавал легкомысленные звуки. Какого черта, вопрошал он, Гортензия (его жену звали Гортензия Бенгол) не выходит? Семнадцать его ребятишек стали выказывать признаки раздражения, которые проявлялись в том, что они принялись покусывать полицейских-регулирующих. Мистер Бенгол отправил одну девчушку в магазин на поиски миссис Бенгол. Крохотное дитя на нетвердых ножках проникло в массу женщин, толпившихся в магазине, с криками: «Эй, мамочка, где тебя черти носят, вылезай оттуда! А то папочка уже бесится!» Никакого ответа, кроме шуршания и шелеста юбок да глухого зловещего стука падающих тел.

– Что за черт! – Мистер Бенгол отправляет в магазин другого ребенка, дабы подвергнуть приводу девчушку и ее мамашу. На этот раз мальчонка исчез в массе бесформенной плоти за порогом магазина. Из глубин магазина раздалось тихое злокозненное блянье – «Flat Foot Floogie with a Floy Floy»![3 - Джазовая песенка, популярная в конце 30-х гг. XX в.] Мистер Бенгол (его звали Ксеркс) от этого содрогнулся. Тогда он отправил на розыски третьего ребенка – с подбородком Орсона Уэллса. После чего – четвертого, пятого, шестого, седьмого, восьмого, девятого, десятого – всех на поиски своей дражайшей половины. И за порогом магазина их всех до единого слизало языком ненасытное существо – злобное, затянутое в шелк, с щупальцами, голодный жуткий монстр на толстых ножищах, на тонких ножках, наделенный грудями, губами и торсами, подмышками, промежностями и прочими причиндалами, со скидками и подвалами, с приспущенными панталонами, бородатыми еврейскими тетками и ирландками с красными носами картошкой, негритосками со скользкими черными, лоснящимися от пота руками-ногами, с выпяченными губами, беззубыми, с визгом, воплями и бедламом. И мистер Бенгол, отослав десятерых детей, призвал оставшихся семерых.

– Дети мои, – его дыхание перехватило от страха, – вам следует войти туда и отыскать вашу маму. Так надо. Тут происходит что-то неладное. Нечто Захватывающее и Фантастическое[4 - Захватывающее и Фантастическое – пародия на два научно-фантастических журнала «Astounding Science-Fiction» и «Fantastic Adventures»]. – И все остальные детки зашли и были поглощены водоворотом алчной толпы. Мистер Бенгол остался в одиночестве. Полном.

Вот тут-то ему на ум и пришло четвертое измерение.

А что, если, размышлял он, когда протискиваешься в этот магазин, то тебя, сдавленного и затертого с грохотом между отпихивающими друг от друга телесами, автоматически заталкивает, засасывает кверху тормашками в четвертое измерение? О, кощунственная мысль! Он перепугался от пальцев ног до кончика языка, от шнурков до бриолина. Фарфор его размышлений разбился вдребезги.

Неужели это мелочная лавка четвертого измерения?

Он зашагал взад-вперед, размахивая руками, проливая горькие слезы в зеленое блюдечко, которое всегда имел при себе для таких случаев.

Затем он решительно расправил плечи, исторг из себя предупредительный рык и ринулся к магазину. Он врезался в толпу и канул в неизвестность, задавленный двумя бабищами циклопических габаритов, самозабвенно раздирающими некое платье.

В шесть часов он не вышел.

В семь часов он не вышел.

Мистер Бенгол не появился и в девять.

А в десять мелочная лавка закрылась до утра.

Флейтист

Из космоса Марс походил на медную лампу, тускло горящую, почти угасшую. Когда к нему приблизился юпитерианский корабль, он напоминал огромный распустившийся цветок.

Марсианин Керак стоял в недрах корабля, глядя, как милый увядший цветок раскрывает нежные лепестки памяти; поглядывая с опаской в иллюминатор, не зная, какие перемены произошли за двадцать лет на родине. На первый взгляд Марс оставался таким же. Его душу тронули пальцы ностальгии. Глаза защипало от странных слез. Но по мере того как корабль иглой пронизывал разряженную атмосферу, лик планеты показался ему израненным. На марсианских лугах раскинулся город; на его замызганной черно-белыми кляксами поверхности проступали очертания идиотской пучеглазой образины.

- Юпитерианское отребье! - выругался Керак, вглядываясь вниз. - Ну и помойка!

Его худые руки напряглись, сжимая тонкими пальцами серебряную флейту, на которой он сочинял свои симфонии и фольклорные мелодии, - единственное, что связывало его с прошлым и былой славой композитора и музыканта.

Керак затрепетал, словно его продувал беззвучный ветер горечи, страха и странного потаенного гнева. Очертания города стали вырисовываться все резче. Он явил свою безмозглую застройку - скорее доказательство разложения, чем прогресса. Вне сомнений, что город сварганили неуклюжие пьяные лапы юпитерианцев. Нрав этого бледно-голубого сброда с Юпитера и свинство были равноценными понятиями.

Из центра города вырывались шоссейные дороги, выбрасывая железные щупальца на юг, в три других юпитерианских города, каждый из которых оскорблял глаз не меньше, чем первый.

Керак негодовал, отчасти про себя, отчасти, обращаясь к обрюзгшему синекожему коротышке с Юпитера с черными щелями вместо глаз.

– Что же они натворили! – восклицал он. – Эта равнина зеленела и плодоносила миллион лет, давала жизнь. А они выпотрошили ее в погоне за минералами! Горы на юге были стройными и прекрасными. Так они снесли с них вершины и разорили склоны! Это и есть ваш план колонизации Марса? Неужели такими видами я должен наслаждаться по возвращении из ссылки?

* * *

Керак умолк. Бессловесный и неприметный по сравнению с долговязым худым музыкантом, синекотий юпитерианец не проронил ни слова.

Лицо изгнанника было изрезано тонкой стенкой морщинок. Сухое коричневатое птицеподобное лицо с орлиным профилем и зорким взглядом. От него веяло неизъяснимой таинственностью и печалью. И вот он смотрел на лики десяти миллионов вымерших марсиан, вопиющих, умоляющих его лишь об одном. Об отмщении. Только и всего.

– Вон там, – сказал Керак, показывая рукой. – Видишь, где река стекает с холмов?

Юпитерианец стиснул толстые губы и промолчал. Ссылка продолжалась.

– Я родился неподалеку от устья этой реки, там, где лиловые горы. Посмотри на нее! За двадцать лет ее загадили дымом, копотью, грязью и превратили в канализационный сток!

– На Земле во времена Клондайка было так же плохо, – выпалил юпитерианец, заговорив в первый раз за все время. – Здесь такая же лихорадка, только побольше размахом. Цель оправдывает средства!

Небольшой юпитерианский корабль пропахал по грунту и, покачиваясь, остановился. Люки распахнулись. Спустя секунды Керак ступил на марсианскую землю впервые за двадцать лет. Это была та же губчатая почва, пропитанная запахом влажности, по которой некогда бегали его детские ступни, но теперь она была завалена мусором, изрыта, искромсана реактивными струями космических кораблей и запятнана машинным маслом.

Керак остановился, оглядываясь по сторонам. Аудиовышки, понатыканные в разных местах посадочной площадки, изрыгали музыку – кошачий концерт из трескучих юпитерианских песен. Керак ругнулся и ударил ногой.

Пустая бутылка из-под утаны загремела, подпрыгивая, по полю.

Они покинули космопорт и пришли в город по узким улочкам-переулкам, от которых несло пахучим юпитерианским кормом. Хохот отдавался эхом в горбатых извилистых улицах. Раздавался звон битого стекла. Время от времени грохотал выстрел, несущий смерть, сливаясь с гулом чужого города. Юпитерианец показал на убогое строение.

– Можешь тут переночевать.

– Спасибо, не надо. – Керак развернулся и зашагал прочь, на окраину, где змеилась речка, стекающая с лиловых гор. – Я пойду туда, где дышится.

Юпитерианец не пошел за ним, а только проворчал:

– Если ты не будешь являться раз в день с докладом, Совет тебя посадит в темницу. Жду тебя завтра, марсианин!

– Если я тебе понадобится, иди вдоль реки... – Голос Керака пропал, как птица, улетающая в сгущающиеся сумерки.

Он быстро шагал, сжав челюсти. В его душе поселилось страдание. Резкое освещение обжигало глаза. Музыка Юпитера скрежетала, без умолку обрушиваясь на город с аудиовышек. И лишь раз до его слуха едва долетело женское хихиканье.

Когда он дошел до тихой речки, солнце уже садилось. Он встал на колени там, где плескалась вода, и начал молиться звездам, чтобы с помощью какого-нибудь замысла положить всему этому конец.

Вода была холодной, как некогда кровь марсианского рода-племени, который пошел на самоубийство, лишь бы не покориться нашествию колонистов, хлынувших с Юпитера. Керак думал о первопроходцах, о своей убитой семье, об

оскверненной земле. Он стал молиться еще истовее.

– Кам, даруй мне силу, – просил он. – Кам, даруй мне силу.

* * *

Когда город остался лежать распростертым у него за спиной, он зашагал упругой, пружинистой походкой. Он почувствовал прилив приятного возбуждения. С губ слетела песня. Он поднял серебряную флейту и стал наигрывать свою песнь холмам. Они ее тихонько подхватили.

Взошли звезды. Рядом речка зажурчала песенку, перекатываясь по гальке. Внезапно время перестало быть препятствием. Время повернуло вспять. Двадцать лет унеслись, как мгlistая пелена. Снова воцарился мир. Не было завоевания, остались лишь красота и эта ночь.

Он обернулся, чтобы взглянуть на юпитерианский город и его огни – монстр с миллионом глаз, уродующий равнину. Мелодию, слетающую с его уст, заглушила другая музыка – из городских аудиовышек, такая громкая, что восточный ветер подхватил и перенес ее на холмы.

Керак еле сдержался, чтобы не выругаться, и прибавил шаг. Дикая музыка преследовала его по пятам. Неужели от них негде укрыться?

Ветер подул в другую сторону. Музыка Юпитера канула в безмолвие. Он вздохнул с облегчением. Так долго продолжаться не может, думал он. Он прибыл на родину умирать. Он уже в годах. Юпитерианские ученые прекратили изучать его физически и психологически и отправили на родную мертвую планету, прекрасно осознавая, что в одиночку он не причинит им вреда. Он – последний представитель Золотого племени.

А как же обитатели марсианских гор, неисчислимыe полчища студнеобразных, гортанноголосых существ, населяющих пещеры Марса, даже имени которых нельзя произносить? Неужели их тоже безжалостно изничтожили, как Золотое племя?

Отродья Мрака не пошли на самоубийство. Это все, что было известно Кераку. К тому же потребовалось бы много времени, чтобы выкурить их из миллионов пещер. У него забрезжила слабая искорка надежды.

На тускло освещенном пространстве пустыни лежал безжизненный, обезлюдевший марсианский город Кам. Обветшалые шпили Кама возвышались в разряженном воздухе. Уходили вдаль симметрично прочерченные аллеи, парки распускались, словно хвосты-плюмажи величественных, навечно умолкших птиц, которым не суждено ни ожить, ни взлететь.

В недалеком прошлом этот город дышал, давая жизнь миллионам марсиан, пеленал, растил, одаривал богатством, счастьем, унаследованным от неисчислимых веков идиллического существования.

Керак погладил флейту, которая скрашивала ему долгие годы изгнания на Юпитере.

У него был отсутствующий взгляд. Большая стая взлетела из мертвого города Кам и затмила собою звезды – вереница парящих белых птиц с пронзительным пением в тысячу глоток, которое повторялось снова и снова, непрерывно, затухая, затихая, замирая, пока частицы блуждающего эха не сыграли мягкие финальные ноты.

Они улетели прочь над юпитерианскими улицами из синтетики, за горизонт, из-за которого через несколько часов взойдет солнце.

Затем слух Керака уловил клокочущее рычание. Оно началось еще тогда, когда большие птицы города Кам взмыли ввысь со скорбным пением, и достигло пика, когда они скрылись в далеких землях. Теперь же рык стал не так слышен, но Керак успел догадаться, откуда он взялся.

Полет поющих птиц сопровождался рычанием. Но глухое рычание исходило из земли, из мрачных нор в горах. И он знал, чем оно вызвано. Отродьями Мрака! Они выжили в глубинах пещер. Он возликовал. Марсиане все еще существуют, не беда, что они оплывшие, бесформенные и безмозглые Отродья Мрака. Керак обрел союзников!

* * *

У Керака не было никакого плана, когда он приблизился к пещерам Отродий Мрака. Он медленно бродил меж отвесных стен, поднимавшихся на пятьсот футов в небо, словно гранитные плиты города мавзолеев. Стояла бархатная тишина, если не считать легкий шелест его ступней по камням.

Он остановился, испытывая благоговейный трепет и вместе с тем – приступ страха. Прямо впереди что-то зашуршало. Возникла черная фигура. На Керака уставились зеленоватые глаза. Из темноты послышалось низкое гортанное фырканье.

Фигура мешковато переваливалась словно громоздкая получеловеческая амеба – черная масса, почти подражающая человеку. Существо встало на толстые черные ножищи, размахивая мясистыми темными руками с крупными голодными пальцами. Оно разинуло безгубую пасть и зарычало.

Керак отпрянул. Страх сдавил ему грудь словно тисками. Он нащупал серебряную флейту, но не стал подносить к губам. Что толку от музыки против такого ужаса?

Он попытался заговорить с существом.

– Друг мой, – тихо обратился он к нему. – Мы братья. Нас осквернили люди с другой звезды.

Он умолк, потом повторил:

– Мы братья.

Нечеловеческое существо закачалось. Затопало ногами по камням, ужасающе имитируя ходьбу. Некое подобие руки вывернулось в сторону Керака.

– Ты сможешь мне? – взывал к нему Керак. – Звери Юпитера нападают на тебя. Отбирают твои богатства, осушают болота. Скоро они и сюда доберутся, чтобы вас уничтожить. Пока этого не случилось, помоги мне!

Существо зафыркало и обернулось. Дюжина голосов из пещер прокричала в ответ. Керак отступил на шесть шагов.

– Мы же братья, как же ты не понимаешь? У нас есть долг. Нам предстоит выполнить задачу. Помоги мне сейчас.

Из глубоких пещер вырвался ревуший рокот голосов. Над головой облачком пролетели поющие птицы Кам. Завидев их, Отродья Тьмы извергли вулкан раздирающих уши воплей. Они сотнями повылазили из своих душных дыр, спотыкаясь, вперевалочку, на ощупь.

Керак увидел тысячу пожиривших его зеленых глаз. В его сердце вселились поражение, отчаяние и озлобленность. Они надвигались на него. Он ретировался.

* * *

Он добежал туда, где стены расступались. Здесь он перевел дух. Отродья Тьмы дальше не выползали. Они никогда не пересекали эту границу. Никогда. Только их голоса – холодные, мерзкие, угрожающие – вырывались за эту черту.

И теперь они прекратили короткую погоню и расползлись по своим пещерам. Ночь стала спокойной, как далекие точки-звезды. В небе злорадствовал Юпитер.

Вдоль мерцающей реки Керак вернулся на усталых ногах в город Юпитера. Его осанка, каждый его шаг, слово и помыслы выражали глубочайшее отчаяние...

– Эй!

Керак продолжал идти по узкому проулку.

– Эй! Ты! – Огромный длиннорукий юпитерианец вышел на нетвердых ногах из ярко-красной иллюминации притона для любителей утаны.

– Эй!

Керак не останавливался.

Человек сграбастал Керака, завертел его и запустил катиться кубарем вдоль по улице.

– Я говорю, ты – слушать, – рявкнул он, огромных размеров и обрюзгший. От него несло травкой-оамой и уродующим мозги пойлом – утаной.

Керак попытался встать на ноги, но тяжелый ботинок незнакомца толкнул его обратно. Лиловая рожа скорчилось в гримасе.

– Ты марсианин?

Керак кивнул, чтобы избежать очередного пинка занесенным ботинком.

– Так я и думал, – нетрезво хохотнул юпитерианец. – Теперь ты будешь меня развлекать. Очень меня обяжешь.

Керак уставился на юпитерианца. Стала собираться толпа. Юпитерианец обернулся к сборищу.

– Это тот самый марсианин, музыкант, про которого вы слышали.

По толпе пробежал гул. Кто-то сказал:

– Так это и есть марсианин? Клянусь зубами Джобара, до чего же он хлипкий!

Первый юпитерианец приложился к фляге, как следует отхлебнув утаны.

– Этот музыкант будет для нас играть. Внутрь его.

Его толкнула рука. Керак споткнулся, негодуя. Удар кулака пришелся ему по губам. Его схватили крепкие пальцы. Горячие потные туши втокнули его в притон, залитый режущим глаза алым светом ламп и насыщенный дымной мглой от сигарет с оамой.

Стены были размалеваны чудовищно желтым цветом, потолок был низкий и кричащий от сотни кошмарных картинок, а помещение в целом почти моментально вызывало у посетителя опьянение.

– Садись тут. – Юпитерианский главарь поднял Керака за шиворот и плюхнул на низкий стул. – Теперь, – сказал он, тыкая пальцем, – играй.

* * *

Керак обнаружил перед собой странный, замысловатый музыкальный юпитерианский инструмент, нечто вроде безумной разновидности древнего органа.

Керак пожал плечами:

– Я не могу. Я не знаю, как на нем играть.

Чудовищных размеров юпитерианец набычился:

– Когда я, Брондар, приказываю кому-нибудь играть...

– Он выдохся! – выкрикнул кто-то. – Дай ему травки курнуть, утаны хлебнуть.

– Уа! Уа! – согласились все хором.

Брондар повернулся.

– Угости его грезами, Нар. Я плачу.

Нар быстро достал бутылку утаны, предлагая Кераку, но тот от нее отказался.

Нар, аномально низкорослый худосочный юпитерианец, зловеще покосился. Его синее лицо, повторяющее очертания черепа, задвигалось.

– Отказываешься?

– Я не пью.

– Ты не пьешь! Марсианин, когда Нар наливает утану, он ожидает, что ее выпьют. – Стакан уткнулся в губы Кераку. – Пей, а не то скормлю тебе стакан.

Губы Керака сжались в тонкую линию. Все его тело содрогалось от возмущения.

– Пей, – взревел Брондар.

Нар пришел в ярость. Он размахнулся и выплеснул выпивку в лицо Кераку под одобрительный вой толпы. Нар затопал обратно в свой закут для утаны. А марсианин остался отплевываться и вытирать лицо накидкой.

– Теперь будешь играть? – раскомандовался Брондар. – А не то нам придется...

Керак взял себя в руки. Он молча вытащил из недр накидки флейту.

– Я умею играть только на ней, – сказал он.

– Что? – раздался рев. – На флейте?

– Уа! Уа! – заглушили остальные Брондара. – Пускай играет, а мы послушаем.

Брондар грозно нахмурился. Наконец он уселся за низкий стол и гаркнул:

– Играй!

Керак заиграл. Он играл до изнеможения. Они заставляли его играть еще и еще. А один раз Брондар выстрелил из электропистолета под ноги Кераку, заставляя его плясать и в то же время играть.

Ему не удалось отдохнуть до самого рассвета. Курительный притон наконец опустел. Пол был замусорен черенками травки-оамы. Юпитерианцы завалились в углы и храпели. Нар лежал на стойке своего закута, а осоловелый Брондар бодрствовал, изрыгая проклятия в адрес варварски размалеванного потолка.

И как раз в этот момент флотилия Кам-птиц пролетела над горами и юпитерианским городом навстречу восходящему солнцу. Они пели свою песнь, высоко, сладкоголосо и настойчиво. Им в ответ сразу же раздалось негромкое рычание.

Керак испытал первое вдохновение, нащупал первую зацепку. Он прислушивался. Флейта, стуча, скатилась на пол. Нагнувшись, чтобы ее подобрать, он замер, странно посмотрел на нее, лежащую там, и вытаращил глаза. Потом он взглянул на Брондара, который вздрагивал, бормоча хриплым голосом.

- Это что, - Брондар икнул, - за шум?

- Птицы, - пробормотал Нар. - Кам-птицы.

- Ау. Ау, - покачал Брондар одурманенной башкой. - Нет, не этот шум, а другой.

- Марсотрясение, - сказал Нар, с трудом поднимаясь. - Движение пластов в горах.

Керак вскочил, сжимая флейту, с замыслами, прорастающими и расцветающими в его голове. Эти невежественные юпитерианцы даже не знали, что в горах обитают Отродья Тьмы.

А Кам-птицы! Они стали частью грандиозного замысла, вспыхнувшего неожиданным озарением в голове у Керака.

Брондар встал, пошатываясь, корча лицо от рвотных позывов.

- Оа. Куда ты идешь, марсианин?

Брондар загородил собой путь к двери.

В отчаянии Керак схватил пустой кувшин из-под утаны и обрушил его на череп Брондара.

Брондар больше не загораживал ему путь.

Раскрашенные указатели не так бросались в глаза ночью, когда Керак в первый раз проходил этой дорогой, зато они были установлены через каждые сто ярдов, и черные буквы раскалились под утренним солнцем:

ОПАСНО!

МАРСОТРЯСЕНИЯ!

ПОДВИЖКА ПЛАСТОВ!

Мелкий шрифт гласил: «Любой работник «Юпитерианских Минералов», застигнутый за этой чертой, будет немедленно уволен».

Керак довольно долго простоял там, подвергая свое худощавое тело истязанию солнцем. Горы были не очень далеко, пеклись в духовке раннего утра. Река сверкала, словно миллион блестящих кинжальных лезвий. Он попытался собрать воедино головоломку из указателей и невежества, царившего в юпитерианском городе.

Отродья Мрака живут себе в горах, целые и невредимые. Юпитерианские работяги называют рокот гор «марсотрясением». Есть лишь одно возможное объяснение. На юге идут грандиозные земляные работы. Из Южных гор Отродья Тьмы уже вычищены. Скоро очистят и Северные хребты, как только юпитерианцы будут готовы начать там работы.

А до этого времени, решили власти, не следует рядовым трудягам знать то, что причинит им дискомфорт. Поэтому существование Отродий Тьмы держат в тайне. Если работники узнают об угрозе, то многие немедленно уволятся. Эти юпитерианцы – суеверный народец.

В любом случае Отродья Тьмы не представляли реальной угрозы. У них не хватало мозгов организовать и атаковать. Они сами убивались. Даже такой разумный человек, как Керак, не смог бы их организовать. Юпитерианский Совет знал это, иначе Кераку ни за что бы не позволили вернуться.

Керак ускорил шаг на изнуряющей жаре.

На вершине горы было прохладнее. С этого места ему открывался вид на оба города, древний и новый. Вдалеке на юге раздавался грохот экскаваторов в Желтых горах.

Он терпеливо дожидался пролета Кам-птиц над пещерами, вызывающего колебания почвы от марсотрясения.

Когда птицы исчезли, Керак с уверенной улыбкой поднял флейту и сыграл те же самые ноты, что птицы посылали с небес. Десять нот – коротких, жалостливых. За ними следовали шесть длинных сладкоголосых аккордов, а затем более низкие и настойчивые ноты – призыв, не терпящий отлагательств. Снова и снова он играл ночному ветру.

Горы откликнулись на его песнь. Но отзыв был слабым и тусклым, как последняя утренняя звезда.

Отродья Тьмы ответили сотрясением почвы. Но Керак знал, что они не осмелятся вылезти на ненавистный солнцепек.

Они слышали его песнь, и она их возбудила. В какой-то степени это обнадеживало. Он будет упражняться, снова и снова прислушиваться к Кам-птицам, запечатлевать их мелодии в своей памяти, делая свои интерпретации более выразительными, призывными. А потом, когда настанет ночь...

* * *

В сумерках Керак расположился поближе к подножию гор. Он играл музыку, доверяя ее ветерку, порхавшему среди черных стен и подземелий, в которых засели твари, таращась на него.

Твари внимали музыке, и она подталкивала их. Они медленно выползали, ставя мокрые ступни на камни, неуклюже жестикулировали, издавая циклопические стоны.

Керак бежал, чтобы занять новую позицию. Твари медленно выползали, замороженные принесенной ветром мелодией, по узким лощинам и малым утесам.

– Идите, братья мои! – яростно кричал Керак. – Идите, убейте юпитерианцев. – Он играл дьявольскую мелодию, которая взметалась стрелой к звездам, сотрясая их орбиты.

Керак спускался по крутым склонам предгорий; взбудораженные полчища настороженно прислушивались к его музыке. И тут из юпитерианского города налетел разящий шквал ветра, принося другую музыку. Юпитерианскую. Каркающую, сводящую с ума симфонию.

Она пожирала до обидного слабую песнь Керака, кулачищами грохота молотила Тварей Тьмы, заставляя их отступать с воем в пещеры, в горы, в адский мрак.

Керак опешил и стоял, обескураженный чудовищной юпитерианской музыкой, пожиравшей воздух, которым он дышал. Музыка, порожденная аудиовышками города, процветала за счет восточного ветра, отдавалась эхом, требовала внимания. Требовала и получала.

Керак убрал флейту. На его лице проступили письмена поражения. Его последняя надежда, последний замысел разбились вдребезги ветер востока и музыка Юпитера.

Он постоял немного на ветру, который трепал полы его накидки и швырял в глаза песок.

Ветер.

Ветер?

Керак обернулся, воспрянув от нового решения, навеянного ветром. Он побежал, отталкиваясь то от одной скалы, то от другой, борясь с ветром, возвращаясь в город Юпитера. В последний раз.

* * *

Керак спешил по узким улицам, раздумывая над своей задачей. Ее нельзя было решить без решительных действий. Придется вести себя мирно, психологически естественно, чтобы на него не пало подозрение, а потом уже будет слишком поздно.

Массивный двадцатиколесный рудовоз, шипя, притормозил на улице. Мясистый юпитерианец, человек-утес, выпрыгнул из кабины, громогласно горланя:

– Эй, марсианин!

Оказалось, это Брондар, возвращающийся с работы в Южных горах. Но он улыбался.

Его синяя ручища молниеносно схватила Керака за куртку.

– Я обыскался тебя с тех пор, как ты сбежал. Ты мне нужен, и твоя флейта в придачу. Идем.

Он зашагал прочь, волоча за собой Керака по ухабистой улочке.

– Отпусти меня, – гневно требовал Керак. – Я под надзором юпитерианского правительства.

– Под надзором? – Гомерический гогот искажил его синюшную физиономию. – Правительства? Здесь нет правительства. Шагай. – И он заставил Керака идти перед собой в полутьме.

– Мы с тобой заработаем денег, марсианин, – сказал он. – После твоего побега, сегодня утром в притон зашел начальник аудиобазы. Я рассказал ему про твою музыку. Он заинтересовался. Ему нужен такой человек, как ты. И вот я снова тебя нашел, и я потребую, чтобы аудионачальник хорошенько заплатил мне за то, что я отыскал тебя и твою флейту! Сворачивай сюда.

Керака запихнули за угол на площади, в центре которой стояло желтоватое здание со словом «АУДИО», начертанным большими юпитерианскими письменами над крышей.

Они поднялись по лестнице и вошли в дверь. Внутри за столом совещались шестеро юпитерианцев – возле каждого локтя по бутылке утаны, сигареты с оамой в каждом кобальтовом рту. Они повернули к нему безобразные лица. Он понял по знакам различия на их мундирах, что они – высшее руководство местной власти. Они тоже отвечали за уничтожение Марса.

Человек во главе стола вскочил.

– Брондар, – резко сказал он. – Ты помешал совещанию. Что у тебя?

Брондар подтолкнул вперед Керака, помахал своей лапицей собравшимся и сказал:

– Он не сбежал, Граннд. Он будет играть для тебя музыку, как я и обещал. А ты хорошенько мне заплатишь за то, что я его нашел.

Граннд, невысокий юпитерианец, быстро подошел к Кераку, обшаривая блестящими черными глазками высокую фигуру марсианина в накидке.

– Ты марсианин. – Это было утверждение. – Мне сообщили о тебе с Юпитера, когда ты был сослан. Там ты делал, что тебе хотелось. Здесь же меньше законности и больше предрассудков, и ты будешь делать так, как хочется нам. Говорят, ты хорош. Я, Граннд, буду судить. Играй.

Керак взглянул на Граннда, зная, что он – начальник аудиобазы, здания, из которого транслируются все передачи через аудиовышки на весь город.

Итак, если он, Керак, правильно разыграет свою партию, то юпитерианцы сами же и поспособствуют своему уничтожению.

Следующие несколько минут станут решающими. Следующий час ознаменует либо успех, либо провал всех его замыслов. Он был немного напуган, потому что его большой шанс настал слишком быстро.

Керак сел, притворяясь угрюмым. Достал флейту и принялся извлекать из нее мелодии.

* * *

Мелодия звучала так тихо, и печально, и сладкоголосо, что дымок от оамы перестал плавать по комнате, а застыл в воздухе.

Юпитерианские чиновники со щелями вместо глаз оцепенели в различных позах, позабыв про утану с оамой, подавленные магической силой. Это был музыкальный гипноз. Каждая нота проникала в уши, которые болезненно требовали еще и еще. То была грустная песнь Кам-птиц, в самом замедленном и печальном исполнении.

Когда Керак закончил, он сыграл ее снова, потому что тишина, которая последовала за ней, не воспринималась нервной системой. Он сыграл еще раз, немного быстрее. В комнате стало тихо. Даже Брондар находился под впечатлением и молчал.

Закончив играть во второй раз, Керак не услышал никаких аплодисментов. Во вселенной встречаются чудеса, которым нельзя отдавать дань шумом, а лишь – почтительным молчанием. Это все равно что кричать «Браво!» во время величественной литургии в церкви или хлопать в ладоши при виде грандиозной спиральной туманности.

Стояла тишина.

Брондар смущенно вздрогнул, словно впервые в жизни познал красоту и огорчился по этому поводу. Наконец он чертыхнулся и прикурил сигарету с оамой.

Пятеро чиновников вышли из транса, сконфуженно переговариваясь, покурили, подняли и осушили бутылки с выпивкой.

Граннд задумчиво потягивал утану. Он взглянул на чиновников. Чиновники кивнули. Граннд взглянул на Керака:

– Сыграешь снова, чтобы я сделал аудиозапись.

Керак подавил появившуюся было улыбку. Граннд продолжал вещать.

– Ты хорошо играл. Тебе должно льстить, что я, Граннд, так говорю. – Его речь была такой же короткой, как его рост. Его так и распирало от гордыни. Он ожидал мгновенно услышать «благодарю вас».

Керак нарочно тянул время, погружившись в свои мысли. Ему не хотелось, чтобы складывалось такое впечатление, будто он горит желанием сотрудничать.

– Я не знаю, – проговорил он медленно. – Раньше я всегда отказывался от звукозаписи.

Глаза Граннда метнули искры.

– Но теперь ты запишешься. Для меня. Сей же час. Немедленно.

– Почему?

– Почему? – Синие щеки Граннда раздулись. – Я, Граннд, буду транслировать твою музыку на Юпитер, передавать ее через аудиовышки по всему Марсу, может быть, на Землю. Ты сочинишь симфонию. Она принесет прибыль. – Его голос звучал твердо. – Иди. Мы сделаем звуковые пробы. Если они будут удачными, мы подпишем контракты.

Граннд направился к двери, ведущей в звукоизолирующую кабину, думая, что Керак следует за ним. Керак не двигался.

Брондару пришлось применить силу.

* * *

Керак стоял перед замысловатыми акустическими приборами. Граннд ругался в лабиринте инструментов в кабине звукозаписи. Юпитерианские чиновники наблюдали за происходящим из застекленной кабины. Брондар находился поблизости, грезя о больших деньгах.

Установили небольшую звуковую бобину. Граннд поднял взгляд.

- По моему сигналу начинаешь играть. Готов? Тишина!

Пауза. Затем сигнал.

Никогда еще за свою жизнь Керак так не играл. Он исполнял мелодию медленно, а затем, при каждом повторе ускорял темп, играл выше и пронзительнее. Он сыграл песню восемь раз, раз за разом все настойчивее. При восьмом исполнении звуки музыки стали настолько высоки, что почти перестали быть слышными. Но песнь звучала неумолимо, ужасающе повелительно.

- Хорошо! - Граннд выключил записывающее устройство. - Ты талантлив. Это принесет много денег.

Керак изумился:

- Что такого интересного ты находишь в моей музыке?

- Интересного? - Радиочинovníк похлопал себя по груди. - Она что-то со мной делает... вот здесь.

- Но понравится ли она остальным... работягам?

- Ты же видел, как она действует на пьющих утану и курящих оаму. Если им нравится, то кому угодно понравится.

- Сомневаюсь. Что-то мне не верится.

Все это жутко надоело Граннду.

- Я докажу.

Он схватил бобину. Перенес на другой прибор, настроил и сказал:

- У нас аудиовышки стоят на каждой улице города.

- Да, я видел их несколько раз.

– Чтобы доказать, как ты талантлив, я прямо сейчас транслирую твою музыку на аудиовышки для работяг и всякого прочего люда.

– И не забудь, – вмешался Брондар, – что это я его нашел.

Граннд нажал на кнопку, бобина завертелась.

– Если хочешь, – сказал он, – можешь выйти наружу и послушать свою песню с уличных аудио- вышек.

Керак кивнул и направился к двери в сопровождении Брондара. На ночном воздухе он остановился и улыбнулся. Повернулся к Брондару.

– Пойдем в притон, послушаем? – предложил он.

Брондар хохотнул и согласился.

Керак ощутил, как ветер треплет полы его накидки.

– Хорошо. Хорошо, – сказал он, когда они зашагали. – Сегодня с востока дует сильный ветер. Восточный ветер.

* * *

Этой ночью из аудиовышек лилась другая музыка. Та же самая, которую Керак еле слышно исполнял на холмах, но теперь уже чудовищно усиленная. Она доносилась из Юпитер-Сити. Ветер востока подхватывал ее, переносил через гряду холмов, как саранчу в наказание за прегрешения, и ронял, словно огромный гипнотический занавес, на черные пещеры.

Через пять минут, по зову музыки, по тропам и расщелинам, по горам и холмам заелозили амебоподобные, бесформенные твари, хлынули вниз нескончаемой лавиной, которая пересекла реку, прохлюпала по шоссе.

Не только Отродья Тьмы оказались замороженными. Каждый юпитерианец в городе стоял в оцепенении, прислушиваясь к волшебной красоте музыки.

Марсотрясение катилось по холмам с нарастающим гулом. Музыка кричала все выше и выше, быстрее и быстрее, безумнее и безумнее, посылая удар за ударом в ночной воздух.

Керак стоял возле черного хода в притон. Брондар – сбоку. Марсотрясение прекратилось по мере приближения Отродий Тьмы, которые каким-то шестым чувством почуяли, что шуметь нельзя.

Весь город замер, и только слышалось внезапное шлепанье чужеродных ступней по узким улочкам на окраинах.

* * *

Керак ждал, готовый моментально пуститься наутек.

Нар, хозяин курительного заведения, был поглощен розливом утаны по бутылкам, зачарованно слушая музыку и рокот холмов.

– Марсотрясение, – прорычал он.

Дверь в притон с грохотом распахнулась. В дверном проеме замаячили черные мешковатые создания, зыряка зелеными глазищами. Последовал миг наэлектризованного неверия. В это самое мгновение Керак тихонько юркнул в заднюю дверь.

Нар поднял глаза с бутылей. Его синий лоб наморщился.

– Эй! – вскрикнул он. – Это еще что?

Опрокинулись три стола. Шесть синих рук потянулись за пистолетами. Двое упали в обморок. Двадцать бутылей грохнулись об пол, описывая безумные круги и расплескивая утану по половицам. Брондар выхватил электропистолет и выстрелил.

Отродья Тьмы ввалились навстречу пулям. Пули не берут черное месиво. От электропистолетов никакого толку. Твари прошлепали напролом, живые-невредимые. Они изголодались и отощали.

И получили что хотели.

Керак бегом свернул в боковой проулок и затаился, переводя дух. Он присел на корточки, тяжело дыша и обливаясь потом от натуги. И на него снизошло великое спокойствие. Треволнения прошли, страхи улетучились. Он был слегка одурманен своей властью. Теперь он направится в другие юпитерианские города на бескрайних голубых равнинах на обратной стороне Марса.

Наконец порыв ветра донес голоса: прохладный воздух раздирали вопли целой армии. Эхо вторило выстрелам. Тысячами. В переулке неподалеку слышался приглушенный топот. Прижатый к стене, Керак понял, что путь к отступлению отрезан. Почему-то ему было не страшно. Он сделал свое дело. Теперь Отродья Тьмы было не остановить. Они покончат со всем и без него.

Спотыкаясь, мимо него с воем бежали юпитерианцы. Они столкнулись с волной, которая перла на них по улице. Они остановились чуть ниже того места, где залег Керак, их обволокла и подмяла под себя и придушила стая Отродьев Тьмы!

Керак откинулся назад, взял флейту и приложил к губам.

Звезды победно сверкали в его глазах.

Он заиграл песнь Кам-птиц.

Жизнь в гигантском городе-осьминоге умирала. Щупальца отсыхали одно за другим. Гигантские желтые глазищи моргали, тускнели, угасали, оставляя после себя черноту. Даже музыку убила черная лавина.

Керак продолжал играть до тех пор, пока не почувствовал, как черные туши напирают на него, толстые голодные пальцы хватаются за флейту, за накидку, за горло...

Я, ракета

Если дело пойдет такими темпами, то пройдут столетия, прежде чем меня пожрут ржа и коррозия. Может, больше. А тем временем у меня в запасе уйма дней и ночей на размышления. Нельзя заставить атомы металла прекратить вращение и гудение на своих орбитах. Вот так металл живет своей загадочной жизнью. Вот металл думает.

Я лежу на бесплодном, каменистом плоскогорье, тронутом тут и там хилой сорной травой и сотней-другой сгорбленных деревьев, торчащих из планетоидных скал. Каждое утро на плоскогорье дует ветер. В сумерках идет дождь, а ночью сгущается безмолвие. Все мое существование теперь сводится к тому, что я валяюсь тут с вывороченными двигателями и искореженной носовой обшивкой.

Однако сдается мне, что предначертание моей судьбы еще не исполнилось. Ракетный корабль строят не для того, чтобы он лежал в одиночестве на суровом сером плато под ветром и дождем. После стольких космических походов не хочется верить в то, что я так бездарно проведу остаток своих дней именно здесь.

Но пока я ржавею и недоумеваю, я могу все это обдумывать. Как же я здесь очутилась, как меня построили...

В свое время я принимала их всех, то есть экипаж, на борт. Я помню, как они были ранены и покалечены центрифугой или разорваны космическими бомбами. Раз или два мои хвостовые двигатели были раздавлены во время жестокой атаки. На моем корпусе не найдется такого листа обшивки, который не пришлось бы приваривать на место по нескольку раз. Нет такого хронометра на моей приборной доске, который не взорвался бы и не был заменен.

Но самое тяжелое – это замена команды у меня во чреве – этих человечков с чумазыми лицами, что бегали, кричали и дрались за глоток воздуха. И всякий

раз, когда я неожиданно закладывала вираж во время экспериментов со свободной гравитацией, у них потроха прилипали к брюшине.

Человечков найти трудно, еще труднее найти им замену после этой, особенно ожесточенной войны миров. Я любила этих человечков, а они любили меня: сдували с меня пылинки, начищая до блеска, как монету, холили, лелеяли. И били. Но за дело.

С самого начала мне хотелось, чтобы от меня была хоть какая-то польза во время дерзких перелетов с Земли на боевые лунные базы – Деймос и Фобос, с которых земляне наносили удары по марсианам.

Процесс моего зарождения на базе, где каркас, обшивку и начинку собирали воедино, проходил в обычных родовых муках. Это я помню смутно, но когда закончили сварку моего корпуса, смонтировали последний трап и пульт управления, ко мне пришло сознание. Сознание металла. Свободный поток наэлектризованных атомов металла стал осмысленным.

Я могла думать и никому не могла об этом поведать.

Я была боевой ракетой. На носу и корме установили космическую артиллерию и обременили меня багровыми боеприпасами. Я начала осознавать свое предназначение с вожделием и даже с некоторым нетерпением.

Нельзя сказать, что я уже ожила. Скорее я была младенцем, наполовину покинувшим утробу, но еще бездыханным, беззвучным, неподвижным. Я ждала шлепка по спине, который придаст мне сил и целеустремленности.

– Поторапливайтесь! Поторапливайтесь! Живее! – командовал много лет назад помощник по вооружению, стоя подле моих открытых воздушных шлюзов. Солнце раскалило мой металл, а члены экипажа сновали взад-вперед в грузовичках на резиновом ходу, перевозя космическую взрывчатку – тетрон. – Нам надо на войну успеть! – вещал помощник.

Люди спешили.

Одновременно с возней в моем грузовом отсеке происходило некое странное действие, именуемое присвоением названия кораблю. Мэр какого-то города разбил бутылку пенистого напитка о мою носовую часть. Репортеры пощелкали фотоаппаратами, и небольшая толпа всплеснула руками, помахала ими немного и опустила, словно осознав, что в общем-то глупо портить хорошее шампанское.

* * *

Вот тогда-то я и увидела в первый раз капитана, храни его Металл. Он бежал по полю. Владыка моей Судьбы, Властелин моей Души. Он понравился мне с первого взгляда – невысокий ростом, выкроенный из жесткой морщинистой коричневой кожи, в которую врезаны зеленые очи, несокрушимые, как алмазы. Всякий, кто бы его послушался, рисковал увидеть оскал его неровных зубов сквозь ротовую щель. Громя ботинками, он ворвался в воздушный шлюз, и я поняла: вот он, мой господин! Об этом говорили и жестковатые костяшки пальцев, кисти рук, манера сжимать кулаки и уверенные, отрывистые команды:

– Шевелись! – велел он. – Гоните мэра к чертям собачьим! Очистить стартовую площадку! Герметизировать шлюзы, запереть люки и сваливаем отсюда!

Да, он полюбился мне. Его звали Агнц, как это ни иронично звучит для человека, не имеющего ничего общего с агнцем. Голос капитана Агнца гулко раздавался в моих недрах, и мне нравились его стальные нотки. Не голос, а бронзовый кастет в шелковой оболочке. Текучий, как вода, обжигающий, как кислота.

Меня плотно закупорили. Выдворили мэра вместе с его разбитой вдребезги бутылкой из-под шампанского, которая теперь казалась ребячеством. По всей базе завывали сирены. Экипаж – все двадцать семь душ – работал в моем пищеварительном тракте.

Капитан Агнц крикнул.

Шлепок по спине заставил меня сделать первый вздох, издать первый звук, прийти в первый раз в движение. Агнц стал первотолчком моей жизни.

Я изрыгнула шлейф огня, пыли и воздуха. Застегнутый на молнию по самый острый подбородок, капитан заулюлюкал, уютно устроившись в

противоперегрузочном гамаке. Обливаясь потом, команда раскачивалась, подвешенная в своих гамаках. И тут я перестала быть просто металлом на солнцепеке. Я превратилась в певчую птицу чудовищных размеров. Может, кому-то моя песнь показалась бы неистовым грохотом, но для меня она была пением, громким и долгим.

Впервые я вышла в свет, за пределы ангара и базы.

Увиденное меня поразило.

* * *

Мой первый бросок в космос уподобился отрочеству человека тринадцати-восемнадцати лет от роду, когда в одночасье с ног на голову переворачивается его мировоззрение. Жизнь накатилась на меня цельным комом. Все, что мне было суждено испытать в жизни, навалилось на меня, минуя младенчество и ученичество, без раскачки. Страдания усиливались. Я испытывала перегрузки и натиск со всех сторон сразу. Я даже не подозревала, что такие ощущения и впечатления возможны. Надежное, понятное земное притяжение вдруг исчезло, и соперничающие гравитации космоса пытались меня одолеть.

Луна, а после нее – тысяча черных метеоров – проносятся мимо в полной тишине. Неописуемые стремнины космоса, тяга к звездам и планетам. А потом, когда мои двигатели отключили, я полетела, как говорится, по инерции, не дыша, не пытаясь пошевелиться.

Капитан Агнц сидел в командном отсеке, похрустывая костяшками.

– Корабль что надо. Отменный корабль. Врежем теперь марсианам по первое число.

Молодой человек по имени Конрад сидел подле капитана за спаренным пультом управления.

– Хорошо бы, – сказал он тревожно. – А то ведь в Йорк-Порте нашего возвращения ждет девушка.

Капитан нахмурился:

– Вас обоих? Тебя и Хиллари?

Конрад усмехнулся:

– Нас обоих, летящих в пекло на одном боевом корабле. Так хотя бы я могу следить за этим пьяницей. И буду знать, что он не в Йорк-Порте, пока я набираю ускорение...

По обыкновению, речь капитана Агнца была быстрой и стремительной, как ртуть.

– Космос – неподходящее место для разговоров о любви. Как, впрочем, для любых разговоров. Это все равно что громко смеяться в огромном соборе или пытаться вальсировать под гимны.

– Гляньте-ка – сентименталист, – заметил Конрад.

Агнца передернуло. Он рассердился на самого себя.

– Гляньте-ка – олух царя небесного, – процедил он и принялся мерить отсек шажками.

Они стали моей неотъемлемой частью: Агнец, Конрад и экипаж. Слово кровь, пульсирующая в артериях живого тела, словно лейкоциты и бактерии, и жидкость, поддерживающая их существование, как воздух, продувающий мои камеры и попадающий в мое сердце и в мои движители, утоляющий мой разгоревшийся аппетит, не догадываясь о том, что они всего лишь единицы энергии, подобно корпускулам, придающим большой массе – то есть мне – подпитку, жизнь и тягу.

Как и в любом теле, во мне водились микробы. Подрывные элементы. Болезни, а также сторожевые лейкоциты.

Нам всем поручили одно дело. Это мне было известно. А именно: отбивать усиливающиеся атаки на цитадели землян – Фобос и Деймос. Я ощущала

ползучее напряжение, нараставшее с каждым днем. Члены экипажа слишком много курили, кусали губы и сквернословили. Впереди нас ждали великие дела.

В моем теле микробы присутствовали в незначительном количестве, но они были опасны, ибо передвигались свободно и беспрепятственно, не вызывая подозрений. Звали их Антон Ларион и Ли Беллок. Я называю их микробами просто потому, что, как и в случае микроскопических организмов в большом теле, их функции заключались в том, чтобы отравить и уничтожить меня. А лучший способ привести меня в негодность – это частичное уничтожение моей алой крови, то есть капитана Агнца или его боевых расчетов. Ларион и Беллок вознамерились их тихо и изощренно отравить.

Самосохранение – вечный и всеобъемлющий инстинкт. Оно свойственно как металлам, так и амебам. Оно свойственно как человеку, так и металлу. Моему телу угрожало нападение. Удара извне я не опасалась. А вот насчет удара изнутри такой уверенности не было. Внезапное нападение могло убить меня вскоре после моего рождения. Я не одобряла этот замысел.

Я летела сквозь космос к Марсу. Я не могла говорить. Я могла лишь ощущать голосовые вибрации в своем нутре. Голоса Хиллари и Конрада, спорящих о своей женщине по имени Алиса в Йорк-Порте, голос капитана, дающего нагоняй экипажу, когда мы достигли пояса астероидов. И посреди этого потекла тайная ядовитая струя – Ларион и Беллок, – их голоса отскакивали от моего корпуса:

– Беллок, ты знаешь план. Я не хочу, чтобы ты спекся в критический момент.

– Какого черта. Я знаю свое дело. Не волнуйся.

– Ладно. Объясняю. Что касается убийства капитана Агнца, это исключено. Нас двое против всего экипажа – двадцати четырех человек. Я хочу дожить до получения денег, обещанных за эту... работу.

– Тогда остаются... двигатели...

– Я – за, если и ты за. Это боевой корабль. Ради скорости с него сняты запчасти и лишний груз. Часовые мины способны сотворить чудеса с главными двигателями. И когда это случится, у нас хватит времени свалить отсюда подальше в космос?

- Когда?

- Как сменится вахта. Начнется неизбежная в таких случаях неразбериха. Половина экипажа слишком устала, чтобы волноваться, а другая половина только заступила, вялая спросонья.

- Годится. Гм. Но мне в некотором роде очень жаль.

- Чего?

- Добротная новенькая ракета, ни разу не испытанная. Революционная конструкция. Никогда раньше мне не нравилось работать на двигателях, пока я не получил пульт управления на этом драндулете. Не ракета, а конфетка. А двигатели слаще цветочного нектара. И все это полетит в тартарары, еще не успев себя толком проявить.

- Тебе же за это платят. Чего тебе еще надо?

- Да уж. Мне заплатят. Конечно.

- Тогда заткнись и пошли.

Обыденное кровообращение экипажа по моим артериям привело Лариона и Беллока вниз, на их посты в топливном и двигательном отсеках. Яд попал в мое сердце, дожидаясь своего часа.

Не передать словами, что происходит внутри моего металла. Не найдется таких сравнений и метафор для крутых, заточенных, озлобленных вибраций, пронизывающих безъязыкую дюралсталь. Другая кровь внутри меня была еще здорова, непорочна, не испорчена и не утомима.

- Капитан. - Отдание чести.

- Беллок. - Агнц козырнул в ответ. - Ларион.

- Капитан.

– Спускаетесь в отсек? – спросил капитан.

– Да, сэр.

– Я спущусь к вам... – Агнц посмотрел на наручные часы. – Скажем, через тридцать минут. Проверим с вами вспомогательные двигатели, Беллок.

– Есть, сэр.

– Тогда по местам.

Беллок и Ларион стали спускаться.

* * *

Агнц стремительно направился в вычислительный отсек переговорить с молодым Айресом, застенчивым, безусым юношей с ниспадающими на глаза волосами, который, казалось, только что выпустился из Семантической школы. В присутствии капитана его розовощекое лицо зарделось. Они словно приходились друг другу дедом и внуком.

Вместе они прозондировали карты звездного неба, а когда закончили, Агнц прошелся из угла в угол, хмурясь и разглядывая носки своих ботинок. Айрес занимался вычислениями.

Постояв, Агнц озабоченно посмотрел в иллюминатор и спустя минуту сказал:

– Как-то, еще совсем маленьким, я стоял на краю Большого каньона и думал, что отныне меня ничем не удивишь... – Пауза. – А теперь я получил свое первое капитанское назначение и... – он тихо похлопал меня по корпусу, – первоклассную красотку ракету под свое командование. – И тут же вопрос Айресу: – Айрес, вы кто?

Огорошенный, Айрес захлопал глазами:

– Я, сэр?

Капитан стоял, повернувшись к Айресу крепкой маленькой спиной, проводя смотр звезд, словно небесного воинства, переданного под его начало.

– Да. Какого вы вероисповедания, я хотел спросить, – уточнил он.

– А! – Большим и указательным Айрес потянул себя за правую ушную мочку. – Я был агностиком первого класса. Получил степень или, лучше сказать, был выпущен с понижением из Академии Атеизма.

Капитан, не отрывая глаз, смотрел на звезды.

– Вы сказали «был», Айрес. Вы подчеркнули это слово.

Айрес скривил рот в полуулыбке:

– Точно. Я хотел сказать... Да, сэр. Но это мой первый полет, сэр. Так что это многое меняет.

– Неужели?

– Да, меняет, сэр.

Капитан непринужденно покачался на каблуках.

– Каким образом, Айрес?

– Вам, как и мне, известно одно высказывание. Старинное высказывание. И мудрое. Оно звучит так: «Баптист – это атеист, слетавший на Луну».

– Это относится и к методистам, и к епископалианцам, и к трясунам.

– Да, сэр.

Капитан издал звук, напоминающий смех:

– Все мы одинаковы. Все до единого, Айрес. Толстокожие богоборцы, честные и порядочные, когда мы у себя в Бруклине и в Вошоки. Достаточно лишить нас земли и притяжения, и мы превращаемся в слезливых детишек без подгузников в долгой черной ночи. Черт побери, да разве найдется сегодня хоть один ненабожный звездолетчик, Айрес!

– А вы набожны, капитан?

Агнц закрыл рот, посмотрел в иллюминатор. Поднял маленькую руку, плавно вытягивая ее вперед:

– История всегда повторяется, Айрес. Первый полет обращает нас в истинную веру. Первый же. Достаточно постоять здесь пятнадцать минут или полчаса и посмотреть на космос, осознавая, что ты ничтожен, как суетливая мошка. Смотришь на эти чертовски прекрасные звезды и ловишь себя на том, что ты грохнулся на колени и ревешь в три ручья. В животе жар, голова кругом. И с тех пор ты навсегда становишься кротким и смиренным.

Агнц неожиданно отвлекся от раздумий, озираясь по сторонам, спустился по лестнице, схватился за поручень и пристально посмотрел на Айреса.

– Вот таким образом, – подчеркнул он, – но учтите: я никогда не засматриваюсь на звезды! Мне надо командовать кораблем... нету на это времени. А если вы поверили во все сказанное мной... катитесь к черту! Мне следовало бы наложить на вас взыскание за расспрашивание старшего по званию!

Агнц гирей канул вниз по поручням.

* * *

Айрес остался сидеть, пытаясь вести вычисления. Через некоторое время он посмотрел вверх на иллюминатор. Его глаза расширились и почернели. Он встал. Прошагал по вычислительному отсеку и остановился, пристально глядя в иллюминатор. Можно было подумать, он слушает музыку. Его губы шевелились.

– Как там сказал капитан? Простоять пятнадцать минут или полчаса? Тоже мне... – Он преклонил колени, коснувшись ими пола. – Да я запросто покажу лучшее время, чем у капитана!

Благородная кровь. Благородный лейкоцит. Благородный Айрес.

Впереди возник Марс, а с ним и первая, по-настоящему мощная гравитационная сила с тех пор, как я покинула Землю, пролетев мимо Луны. Марс замаячил, словно бурое пятно запекшейся крови в пустоте. Масса есть половое влечение космоса, а тяготение – это страстное желание массы, гравитационное либидо гигантского тела – жажда любви ко всем более мелким телам, пересекающим его границы в космосе. Я слышала, как простой народец, обитающий внутри меня, сравнивает планету с пчелиной маткой. С наивысшим притяжением, которого жаждут все более мелкие притяжения и тела. Жестокая блудница, которая спаривается со всеми без разбору, толкая на погибель, пчеломатка, увлекает за собой весь рой. Вот и я теперь часть роя, первая среди многих, летящих следом за мной, предпочитающая зов одного тяготения другому.

Но яд оставался во мне. И не было способа сообщить об этом экипажу капитана Агнца. Время тикало на хронометрах приборной доски и пролетало величественно и незаметно в движении звезд.

Капитан Агнец спустился в машинное отделение, осмотрел мое сердце и вспомогательные двигатели. Он делал резкие замечания и отдавал отрывистые команды, пересыпая свою речь бранными словечками. Затем он вскарабкался по лестницам на камбуз, чего-нибудь перекусить.

Беллок и Ларион остались внизу.

– Первым делом, Беллок, ты проверил спасательные шлюпки?

– Да. Шлюпка номер 3. Я ее подготовил час назад.

– Хорошо. Теперь...

* * *

Кок поставил перед капитаном Агнцем суповую миску. Выпятив губы трубочкой, Агнц всунул в них ложечку и почмокал в знак одобрения.

– Кок?

– Да, сэр? – Кок вытер испачканные маслом руки большим полотенцем.

– Это ты изобрел гравитационную суповую миску и гравитационную ложку?

Кок поглядел на свои ступни.

– Я, сэр.

– Восхитительное изобретение, Кок. Я помню те времена, когда все жидкости на борту ракеты приходилось потягивать из бутылки с соской. Я чувствовал себя сопливым младенцем.

Кок хмыкнул, вернувшись к протиранию посуды.

– Корабельной гравитации не хватало, чтобы притягивать суп, тогда я на досуге придумал гравитационную ложку. Получилось.

Капитан ел молча. Спустя минуту он сказал:

– Наверное, я старею, Кок. Видно, я заболел.

– Капитан!

Агнц раздраженно помахал ложкой.

– Нет, ничего такого. Я хочу сказать, сегодня я что-то расчувствовался. Я чувствую себя... как бы это сказать? Черт возьми, не могу найти нужные слова. Почему ты решил лететь на боевом корабле, Кок?

Кок туго скрутил полотенце.

– У меня с марсианами кое-какие счеты. Три года назад они убили моих родителей.

– Ясно, – сказал капитан.

Беллок и Ларион находились внизу.

Кок посмотрел на своего командира, на его маленькое сосредоточенное коричневатое лицо, которому на вид можно было дать лет тридцать пять как, впрочем, и сорок, и пятьдесят.

Агнц метнул в него взгляд. Кок сглотнул слюну.

– Прошу прощения.

– Гм?

– Я хотел спросить...

– О чем?..

Беллок. Ларион. Беллок внизу. Ларион карабкается по лестницам, чтобы забрать часовые мины. Марс маячит впереди. Времени мало, в обрез.

В десятке отсеков моего корпуса вычислители, артиллеристы, инженеры, лоцманы, ничего не подозревая, исполняли свои привычные обязанности, пока на камбузе Агнц и Кок вели свой непринужденный разговор. А тем временем Ларион пыхтел, поднимаясь по лестницам к своим запрятанным часовым минам.

Кок сказал:

– О том, почему вы стали командиром боевого корабля, сэр?

– Я? – фыркнул Агнц, с полдюжины раз наполнив рот едой, прежде чем очень медленно ответить. – Пять лет назад я зашел в питейное заведение «Голубой канал» на Марсе. Я встретил там девушку...

– А-а, понимаю...

– Ни черта ты не понимаешь, кастрюля! До чего же она была хороша, черт возьми! Характер утонченной кошки, и нравы под стать. Искристые волосы, черные, шелковистые, как паутина. Глаза синие, как холодные воды глубокого канала. Я хотел взять ее с собой на Землю. Началась война, меня отозвали и...

– И однажды, – закончил за него Кок, – когда вы поможете закончить войну, вы отправитесь на ее поиски. И когда окажетесь на базе Деймос – Фобос, попытаетесь проникнуть тайком на Марс и похитить ее.

Агнц ел, кивая:

– Ребячество, да?

– Нет, наверное, если она еще ждет.

– Она ждет... если я знаю Ирелу, то ждет.

Айрес в вычислительном отсеке.

Кроваво-красный Марс увеличивается в размерах.

Агнц на камбузе.

Хиллари и Конрад на командном посту № 1!

А внизу, где ширится, разрастается и выплескивается в космос моя мощь, я чувствую вибрации Беллока. А вот – Ларион поднимается по лестнице на склад.

Ларион проходит мимо камбуза.

– Сэр.

Агнц кивает, не отрываясь от еды.

Ларион поднимается в вычислительный отсек, минует его, посвистывая, и задерживается на складе.

Космос содрогается от моего предостережения.

* * *

Мои пушки приводят в готовность, смазывают и налаживают. Боеприпасы доставляют наверх по транспортеру из камеры № 5 в оружейную башню № 14. Багровые боеприпасы. Экипаж обливается потом, скалит зубы и ругается. Беллок ждет внизу, в машинном зале. Его лицо нервно дергается. Капитан ест. Я несусь сквозь космос. Айрес вычисляет. Беллок ждет. Капитан ест. Космос. Ларион. Часовые мины. Капитан. Беллок. Пушки. Ожидание. Ожидание. Гонка.

Металл моего корпуса корчился от страданий и нагрузок, силился возопить, поведать всем о том, что известно моим отрицательным-положительным полюсам, субатомному сознанию, нейтронным колебаниям.

Но кровь моего тела бурлила сама собой, перетекая из камеры в камеру в пропотевших, засаленных спецовках, в ожидании, с напряженными лицами. Бурлила нервно. Бурлила, пульсировала, клокотала, не догадываясь о том, что вскоре яд разольется по всем отсекам.

А еще девушка по имени Алиса ждала в Йорк-Порте. Осталась память по двум погибшим родителям. На Марсе танцовщица с обворожительными очами еще танцует, наверное, позвякивая серебряными колокольцами на больших пальцах рук. Марс близко. Меня затрясло от гнева, и я отклонилась от курса. Я содрогнулась от фрустрации металла!

Вертелись, крутились мои шестеренки, блестящие сердечные мышцы моей души, нагнетая масло в мои металлические вены. А Беллок сидел внизу и прикуривал одну сигарету от другой.

Я думала об Айресе, о капитане Агнце, о его отрывистой речи. О том, как Айрес опустился на колени, ощутила то же, что и он. О Хиллари и Конраде, мечтающих о губах одной женщины. О Коке, который озаботился изобретением гравитационной суповой тарелки.

Я думала о пребывающем в ожидании Беллоке.

И о том, что Марс приближается. И о войне, которую я никогда не видела, но только о ней и слышала. Мне хотелось быть причастной к ней. Я хотела попасть на войну вместе с Агнцем, Хиллари и Коком!

Кок убрал тарелку, очищенную капитанской ложкой.

- Добавки?

Агнц покачал головой:

- Нет. Только дольку каких-нибудь фруктов. Скажем, яблока.

Он вытер маленький рот тыльной стороной ладони.

- Ладно, - сказал Кок.

И в этот самый миг что-то зашипело и взорвалось.

Кто-то где-то закричал.

Я знала кто. И где.

А капитан не знал.

- Проклятие! - гаркнул он и в три прыжка вылетел из камбуза. Пытаясь поспеть за ним, Кок выронил суповую кастрюлю.

* * *

Внутри моего тела завывали аварийные сирены. Юное розовощекое лицо Айреса, бившегося над решением параболической задачи в вычислительном отсеке, вздрогнуло, мгновенно охваченное страхом. Он встал и попытался дойти до трапа, но не смог. Ноги не слушались.

Конрад с криком скатился с лестницы. Он исчез в направлении машинного отделения, поглощенный люком в полу.

Хиллари мертвой хваткой вцепился в рычаги управления кораблем, промолвив всего одно слово:

– Алиса...

Кок и капитан первыми примчались в сектор «С».

– Закрывать впускной вентиль! – заорал Агнц.

Кок схватил пухлыми пальцами поблескивающий на стене маховик клапана и повернул его, кряхтя от натуги.

Оглушительный свист оборвался. Пар клубился в моем сердце, плотно обволакивая капитана Агнца и Кока, которых душил кашель. Конрад камнем пролетел вниз по лестнице до самого моего сердца, и пар стал понемногу рассеиваться, когда загудела моя вакуумная вентиляция.

Когда клубы пара развеялись, они увидели Беллока.

Кок прорычал:

– Не нравится мне это! Очень не нравится!

Конрад сказал:

– Как это случилось? Похоже, мгновенная смерть.

Кожистое коричневатое лицо Агнца скривилось.

– Именно мгновенная. Маслопровод взорвался и как стальным хлыстом ударил его по переносице. Если он от этого не умер, то его добило раскаленное масло.

Сокрушенный Беллок не сказал никому ни слова. Кровь хлестала из того места, куда пришелся удар маслопровода – из носа и щеки. Он впал в забытие. С ним было покончено.

Капитан Агнц выругался. Конрад потер щеку дрожащей ладонью.

– Я проверял эти маслопроводы сегодня утром. Они были в порядке. Я не вижу...

Шаги по трапу. Ларион торопливо спускался. Сначала показались его ступни. Он повернулся, чтобы их увидеть.

– Что случилось?..

Когда он узрел распростертого на полу Беллока, его словно ударили под дых. Он побледнел от увиденного, у него отвисла челюсть, и он проговорил упавшим голосом:

– Вы... убили его. Вы... прознали о том, что мы задумали... и убили его...

Кок сказал отсутствующим голосом:

– Что?

– Вы убили его, – повторил Ларион. Он рассмеялся. Разинул рот и исторг хохот в помещение, затянутое паром. Он вдруг заметался по комнате и взлетел вверх по лестнице. – Я вас проучу!

– Хватайте его! – приказал Агнц.

Конрад бросился за Ларионом. Ларион остановился и ударил ногой Конрада. Тот грузно упал и зарычал. Ларион исчез. Конрад с криком вскочил и бросился догонять. Капитан Агнц смотрел, как он удаляется, смотрел, ничего не предпринимая, а лишь наблюдая за происходящим. Он слушал затухающую дробь шагов на уходящих все выше и выше лестницах.

Под ногами Агнца дрожали палуба и корпус.

Кто-то вскрикнул.

Издали донесся крик Конрада:

– Берегись!

Раздался глухой удар.

Спустя пять минут Конрад спустился по лестнице с часовой миной.

– Хорошо, что маслопровод прорвало, капитан. Это я нашел на складе. Ларион там прятал эту штуку. Он и Беллок...

– А что с Ларионом?

– Он пытался сбежать через воздушный шлюз спасательной шлюпки. Открыл внутреннюю дверь, захлопнул ее, и через мгновение, когда я открыл ту же дверь, меня чуть не убило точно так же...

– Убило?

– Да. Этот дурак, должно быть, открыл внешнюю дверь, когда он еще находился внутри шлюза. Космический вакуум высосал его наружу. Больше мы его не увидим. – Кок сглотнул слюну.

– Странно, что он так себя повел. Он ведь знал, как работает шлюз и какой он опасный. Наверное, случилась какая-то промашка, неисправность или еще что-нибудь...

– Да, – сказал капитан Агнц. – Да.

Через несколько часов они провели церемонию прощания с Беллоком. Отправили его за борт вслед за Ларионом. В космос.

Мое тело очистилось. Органический яд был уничтожен.

До Марса было уже рукой подать. Он покраснел. Побагровел.

Через шесть часов нам предстояло вступить в бой.

* * *

Я вкусила войны. Мы – капитан Агнц и его экипаж внутри меня – стали снижаться. И я впервые выставила вперед свои ручищи, и сомкнула свои мощные пальцы на туловах марсианских кораблей, и разорвала их всех на куски, все пятнадцать штук, что мешали нам сесть на базе Деймос – Фобос. Листы моей обшивки в секторе «F» получили лишь незначительные повреждения.

В космос устремились багровые снаряды – мое порождение, мои отпрыски из металла, взрывающиеся с силой, сокрушающей все напластования пустоты в вакууме. Я радовалась своим вновь обретенным могучим лапищам и визжала от восторга. Я говорила со звездами на ракетном наречии. База Деймос – Фобос сотрясалась от моего безудержного азарта. Я кромсала марсианские корабли быстрыми уверенными росчерками своих лучевых манипуляторов, а тем временем лихой капитан Агнц управлял моими системами и во все горло изрыгал проклятия.

Я добилась своего. Повзрослела, достигла зрелости. С головой окунулась в войну, месяц за месяцем, требуя еще, еще больше войны.

Однажды юный Айрес с осколком шрапнели, засевшим в его легких, поник головою на вычислительный стол, словно собирался читать молитву. Кровь потекла из его полураскрытых губ вместо молитвы. Это напомнило мне о том дне, когда он впервые встал на колени и прошептал: «Да я запросто покажу лучшее время, чем у капитана!»

Айрес умер.

Конрада тоже убили. И Хиллари принес эту весть в Йорк-Порт девушке, в которую они оба были влюблены.

Четырнадцать месяцев спустя мы легли на обратный курс. Мы приземлились в Йорк-Порте, завербовали людей на вакантные должности и снова стартовали,

проделывая дыры в пустоте. Мы получили от войны что хотели. А потом вдруг в один прекрасный день в космосе воцарилось затишье. Марсиане отступили. Капитан пожал изящными плечами и скомандовал экипажу собраться в вычислительном отсеке:

– Итак, парни, все кончено. Войне конец. Это ваш последний поход на этом милом ракетном корабле. Вы получите увольнительные, как только мы приземлимся в Йорк-Порте. Если кто-то захочет остаться, то найдите, корабль переоборудуют под грузовое судно. Получите приличные спальные места.

Экипаж забормотал, шаркая ногами и хлопая глазами. Капитан сказал:

– Все прошло хорошо. Не стану отрицать. У меня отличный экипаж и красавец корабль. Мы потрудились на славу. Сделали что смогли. А теперь все закончилось, и настал мир. Мир!

То, как он произнес это слово, что-то да значило.

– Знаете, что это значит? – спросил Агнц. – Оно значит, будем опять напиваться сколько душе угодно. Будем ходить по земле. Позабудем, какими набожными мы были в космосе. Как мы стали верующими в свой первый же полет. Позабудем, как невесомость выворачивала нам кишки наизнанку. Это многое значит. Это значит, уйдет дружба и славное времечко, когда мы устраивали потасовки на базе Фобос— Деймос.

– Это значит прощание с нашей ракетой.

Парни притихли.

– Я хочу поблагодарить вас. Тебя, Хиллари. И тебя, Кок. Тебя, Айрес, за то, что ты попросился на борт после гибели твоего брата. И вас, Томпсон, МакДональд, Приори. Вот и все. По местам стоять! Готовимся к посадке!

* * *

Нам не устроили торжественного приема после посадки.

Экипаж собрал свои пожитки и покинул корабль. Капитан задержался, обходил меня своими короткими быстрыми шагами. Он ругался вполголоса, кривил свое маленькое коричневатое лицо. А потом и он ушел восвояси.

Отныне я перестала быть боевым кораблем.

Меня битком набивали грузами и гоняли взад-вперед то на Марс, то на Венеру. И так пять лет. Пять долгих лет ничего, кроме паутинного шелка, пеньки, руды, экипажа сокращенного состава и добропорядочных полетов, в которых ничего не происходило. Пять лет!

У меня появился новый капитан, новая, незнакомая команда и непривычное мирное расписание рейсов до звезд и обратно.

Ничего существенного не происходило до 17 июля 2243 года.

В этот день я разбилась об этот необитаемый каменистый планетоид, где завывал ветер и лил дождь, и можно было свихнуться от тишины.

Мой экипаж погиб, и мне суждено лежать на солнцепеке и на холодном ночном ветру, дожидаясь спасения, которое, кажется, уже никогда не придет.

Моя живительная кровь вытекла, умерла, иссыкла, сгинула. Ракета способна думать, но оживает она, если у нее есть экипаж и капитан. После того как капитан Агнц ушел и не вернулся, я и так живу у времени в долгу.

Я лежала и думала о славных месяцах войны, о ее неистовом могуществе, разнузданном безумии. Я ждала. Я осознавала, насколько нелепо и беспомощно мое пребывание здесь. словно я исполинское металлическое дитя-недоумок, нуждающийся в присмотре и в бурлящей человеческой крови.

Пока однажды ранним утром, после дождя, я не заметила в небе серебристую блеску. Она стремительно снижалась... одноместная ракета инспектора, который патрулирует пояс астероидов.

Корабль сел в сотне ярдов от моего безмолвного остова. Из него выбрался невысокий человек.

Он очень медленно поднялся по усыпанному галькой холму, почти как слепой.

Он остановился у моего воздушного шлюза, и я услышала, как он сказал:

- Эй!

* * *

И тут я поняла, кто это стоит: он не сильно постарел с тех пор, как вступил на мой борт, невысокий и худощавый, свитый из медной проволоки, выкроенный из коричневой кожи.

Капитан Агнц.

Сколько лет прошло. Одет в черную униформу патрульного. Инспектор астероидов. Он не возится с поклажей. У него опасная работенка. Инспектор. Его губы зашевелились.

- Я слышал, ты исчезла четыре месяца назад, - сказал он мне вполголоса. - Я попросился в инспектора. Я думал... я думал, что мне самому хочется поохотиться на тебя. В память о добрых старых временах.

Его жилистые шейные мышцы напряглись. Он сжал свои маленькие руки в кулаки.

Он отворил мой шлюз, тихонько посмеиваясь, и зашагал быстрыми короткими шагами. Было приятно снова ощущать его прикосновение, слышать, как его отрывистый голос отскакивает от моих стен. Он вскарабкался по трапам на командный пост и стоял там, раскачиваясь, вспоминая те времена, когда мы вместе воевали.

- Айрес!

- Я, сэр!

- Хиллари!

– Я, сэр!

– Кок!

– Я, сэр!

– Конрад!

– Я, сэр!

– Черт! Куда же все запропастились? Куда все подевались? – бушевал Агнц, озираясь по сторонам. – Где же они, черт бы их побрал!

Тишина. Он понял, что не докричится до людей, которые никогда уже не отзовутся, уселся в командирское кресло и разговорился со мной. Он рассказывал мне, чем занимался все эти годы. Работа на износ, сверхурочно, платят прилично.

– Но все не так, как раньше, – признался он мне, – даже не сравнить. Хотя... сдается мне, что скоро начнется новая война. Да. Пожалуй, начнется. – Он отрывисто кивнул. – А что ты скажешь насчет того, чтобы в ней поучаствовать? А? Ты бы справилась, ей-богу!

Я промолчала. Мои нервы растянулись и заскрипели под палящим солнцем. И только. Я ждала.

– На Венере дела идут паршиво. Колонисты бунтуют. Ты хоть и устарела, но выправка и осанка у тебя что надо. Ты – боец. Можешь снова воевать.

Он не стал задерживаться, а только поведал мне, что будет дальше.

– Мне нужно возвращаться на Землю, привести ремонтную бригаду и запустить тебя на твоих же двигателях на будущей неделе. И да поможет нам Бог! Я снова стану твоим капитаном, и мы еще вытрясем душу из этих венерианцев!

Он отправился назад по моим отсекам, спустился к моему сердцу. Камбуз. Вычислительный центр. Кок. Айрес. Ларион. Беллок. Воспоминания. И вышел через шлюз, и я бы не взяла на себя смелость утверждать, что глаза у него были совсем уж сухими. Похлопал меня по обшивке.

– Если уж начистоту... ты, наверное, единственная, кого я по-настоящему любил...

И улетел в небо.

Вот так я и пролежу здесь еще несколько дней, вздрагивая в ожидании старых добрых времен, чудес и треволнений. Я ненадолго умерла. И капитан опять возник, чтобы вернуть меня к жизни шлепком по спине. На следующей неделе он будет здесь с ремонтниками, и я отправлюсь домой, на Землю, и там они переберут меня от носа до кормы и сверху донизу.

И однажды, в не столь далеком будущем, капитан Агнц притопает в мой воздушный шлюз и прикажет: «Задраить люки!» И мы снова унесемся на войну! На войну! Снова жить и дышать. Двигаться. Капитан Агнц и я, может, и Хиллари с Коком, если удастся их разыскать после стольких лет. На следующей неделе. А пока у меня есть время на размышления.

Я часто задумывалась о синеокой марсианской танцовщице с серебряными колокольцами на пальчиках.

Пожалуй, в глазах капитана Агнца можно было прочесть, какой там оборот приняло дело.

Жаль, не могу его спросить.

Но хотя бы мне не придется лежать здесь вечно. Я переезжаю... на следующей неделе!

И любоваться фонтанчиками

Морган и Томпсон люто ненавидели друг друга. Они конкурировали, перехватывая друг у друга бизнес-идеи. Допустим, Морган изобрел открывалку для консервных банок. Тогда Томпсон придумывал новую усовершенствованную шестигранную консервную банку, в результате чего открывалка Моргана превращалась в старье. Или, скажем, Томпсон изобрел ракетный порох, а Морган вытаскивал на свет божий антигравитационный корабль, который не нуждался ни в каком другом двигателе, кроме горячего воздуха, который имелся в избытке. Таким образом, состязание то разгоралось, то угасало.

Однажды утром доктор Морган (тот, что помоложе) позвонил Томпсону, пребывая в прекрасном расположении духа.

– Алло, алло! – восклицал он. – Приходите к полудню в кафе «Ракета». Я имею вам сказать пару слов. Да, сэр!

Пожилой доктор Томпсон тоже пребывал в хорошем настроении и принял приглашение. Они встретились.

– Мой дорогой Томпсон!

– Мой дорогой Морган! – С сияющими физиономиями, они похлопали друг друга по спине.

– Морган, похоже, вы сегодня в приподнятом настроении?

– В весьма и весьма приподнятом. Я только что закончил работу над невероятным изобретением.

Томпсон улыбнулся:

– О? Как мило! Мне бы не хотелось бросать тень на ваши труды, молодой человек, но я ТОЖЕ закончил работу над неким аппаратным средством.

– Ваше наверняка и наполовину не дотягивает до моего, – раздраженно заявил Морган.

– Мое вдвое лучше вашего, – сказал Томпсон, самозабвенно поглощая свой салат.

Морган окинул Томпсона злобным взглядом:

– Если бы вы только знали! Мне бы не следовало вам ничего рассказывать, но мое изобретение слишком уж выдающееся, чтобы его утаивать, старый вы дуралей! Я сконструировал машину времени!

Томпсон чуть не подавился салатом. Он покраснел. Все то время, что понадобилось Томпсону на пережевывание и проглатывание, Морган злорадно хохотал. Томпсон зыркнул на своего соперника.

– Это ерунда! – вскричал он. – Вам бы следовало знать, над чем работаю я!

– Над чем же? – полюбопытствовал Морган, мрачней.

Томпсон пожал плечами:

– Это секрет. Расскажу вам позже, сын мой.

– Сегодня вечером, – провозгласил Морган, – я отправляюсь в будущее!

Томпсон принял скучающий вид.

– Мое изобретение будет готово к испытаниям через несколько дней. Оно и впрямь отменное.

Морган гневно стукнул кулаком по столу:

– К черту ваше изобретение! Оно никогда не принесет вам выгоды!

Седые брови Томпсона приподнялись.

– Что вы хотите этим сказать?

Морган самодовольно ухмыльнулся:

– Я отправлюсь на пару дней в будущее и ударю вас ножом в спину, дряхлый грязный стервятник!

Томпсон спросил:

– Это вы серьезно?

– Да, да! Вы двадцать лет действуете мне на нервы. Теперь я решил вас убить.

– Я смиряюсь перед своей судьбой, – задумчиво сказал Томпсон, – благодаря моей непритязательной философии жизни.

Морган не скрывал разочарования.

– Вы что же, не встревожены? Не собираетесь закатывать истерику, умолять меня на коленях?

Томпсон положил в рот ломтик мяса и стал его задумчиво пережевывать.

– Я только что выгладил брюки.

– За это я нанесу вам пять ударов кинжалом и буду любоваться фонтанчиками крови! – И с этими словами он в гневе выскочил из кафе, изрыгая проклятия.

Томпсон остался сидеть в хмуром раздумье, устало перебирая стариковские мысли.

– Вот ведь молодой идиот, – сказал он.

Солнце четырежды взошло и закатилось. Томпсон то собирал, то разбираал аппаратуру в лаборатории, выставляя оборудование напоказ, чтобы оно бросалось в глаза Моргану.

Поздно вечером в среду Томпсон почувствовал, как кто-то дышит ему в затылок. Это обстоятельство, а еще запах озона и сирени подсказали ему, что у него за спиной Морган в своей машине времени.

- А вот и вы! - сказал Томпсон, поворачиваясь и демонстрируя пустые руки.

- А вот и Вы! - гаркнул Морган, пятикратно вонзая нож в Томпсона.

Томпсон упал с хохотом на пол, который заалел от крови.

- Вы же умираете! - возопил Морган. - Какого черта вы смеетесь?

Томпсон ткнул слабеющими пальцами в аппаратуру, разбросанную по лаборатории.

- Эх вы, умник! Вы воображали, что провернете идеальное убийство, не так ли? - захрипел он.

Морган презрительно ухмыльнулся:

- Идеальнее некуда!

Томпсон задыхался от боли.

- Но последним смеяться буду я! Знаете ли, мое изобретение... тоже машина времени!

- Что?!

- Именно. И когда вы признались в том, что собираетесь меня убить, я отправился в будущее... и ну-ка, догадайтесь, что я там сделал? Ха! Я придушил вас медным проводом и бросил вашу тушу в контейнер с сильной кислотой! Забавно, не правда ли? Остроумно? Ха-ха-ха!

Морган побледнел, схватил старикана за плечи.

– Подождите, не умирайте!!! Пойдите!!! Когда... когда вы это сделали?!
КОГДА???

Томпсон тихо захрипел:

– Хотите знать, в какой день в будущем я вас убил, чтобы в этот день сбежать из города? О-о, нет! Я вам не скажу. Это может случиться через сутки, через месяц, через год, через десятилетие! Но я появлюсь и убью вас, застигнув врасплох! Ха! Ха!

– Томпсон! Томпсон! – голосил Морган, трясая старика, но тряска лишь ускорила его кончину. Томпсон поперхнулся и скончался, смеясь при том.

И Морган вернулся домой на своей машине времени, недоумевая, глядя в оба, дожидаясь. Все дальнейшие месяцы он продолжал вздрагивать, нервничая все больше и больше. При малейшем шуме он озирался по сторонам. Его аппетит, обычно волчий, испортился. По ночам он плакал в подушку. Непрерывно курил. Брался читать толстые книги, но растерял к ним всякий интерес. Он лишился сна. Лежал, бодрствуя, до рассвета, пристально отслеживая перемещение теней по спальне.

И так в нервотрепке, в судорогах, не смыкая глаз, терзаясь сомнениями, в ожидании он протянул сорок долгих лет.

Томпсон так и не явился.

И уязвленный, иссохший Морган на смертном одре похолодел от ужаса, когда его осенило, как же поиздевался над ним этот ПОДЛЫЙ ОБМАНЩИК – ТОМПСОН!!!

1943

Вскрытие

(Вернись, убийца!)

Глава 1

Подружка Рики Вольфа

Если вам не доводилось присутствовать при вскрытии, то вот, значит, как это делается. Тело разрезают посередине. Не до конца, а так, чтобы просматривалось все от ключиц до почек. Когда лоскуты плоти оттягивают назад сверкающими хирургическими зажимами, открытые таким образом для всеобщего обозрения органы подвергаются внимательному осмотру, прежде чем их вырежут, мастерски орудуя скальпелем. После чего их откладывают в сторону для химического анализа. Мозг извлекается из своего вместилища простым разрезанием черепа по окружности выше ушей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

The Martian Chronicles: The Complete Edition by Ray Bradbury (Subterranean Press/PS Pub).

2

Джонатан Свифт, «Путешествие Гулливера в Лиллипут, Бробдиньяг и в страну гуинмов». (Здесь и далее примечания перев.)

3

Джазовая песенка, популярная в конце 30-х гг. XX в.

4

Захватывающее и Фантастическое – пародия на два научно-фантастических журнала «Astounding Science-Fiction» и «Fantastic Adventures».

Купить: <https://tellnovel.com/rey-bredberi/mechanicheskiy-heppi-lend-sbornik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)